

[Polaris]

ФРЭНСИС
СТИВЕНС

СОЛНЕЧНЫЙ
ОГОНЬ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDIII

Salamandra P.V.V.

Фрэнсис
Стивенс

СОЛНЕЧНЫЙ
ОГОНЬ

Salamandra P.V.V.

Стивенс Ф. (Беннет Г. М.)

Солнечный огонь. Пер. с англ. Е. Янко (Затерянные миры, т. XXVIII). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2022. – 98 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDIII).

Фрэнсис Стивенс (1884-1948) называют изобретательницей жанра «темной фэнтэзи» и пионером женской фантастики в США. В ее повести «Солнечный огонь» (1923) группа смелых исследователей обнаруживает в Южной Америке таинственную пирамиду, где героев подстерегают смертельные опасности. Не считая перепечаток, это – последнее опубликованное при жизни произведение Стивенс. Повесть впервые переводится на русский язык.

СОЛНЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Глава 1

БРОШЕННЫЙ ФЛОТ

Оставив моторную яхту и проведя почти две недели в походном каноэ, пятеро путешественников увидели в полуденном свете остров Солнечного огня — Тата Кварахи.

Река извивалась меж отвесных, практически лишенных растительности берегов, становящихся все выше и неприступнее с каждым поворотом. Здесь Рио-Силенсиозо, берущая истоки в зловонных малярийных топях, несла свои воды в аскетичной чистоте. Она посветлела и обрела особое сияние растворенного в хрустale красного золота. Этот необычный оттенок ей придавали отражающиеся в волнах косые утесы, полосатые из-за наслоений цветных горных пород, от бледно-лимонной до темно-алой.

Безжалостное экваториальное солнце окутывало все своим жаром. Путешественникам начало казаться, что последние полмили они плывут по потоку раскаленного металла внутри пылающего горна.

Вскоре, однако, слепящие скалы остались позади. Речной проток оказался слишком узким для весел, и в ход пошли шесты. Каноэ выплыло в озеро.

Никто не усомнился, что Куямбира-Петро, их проводник, говорил именно об этом месте, хотя на первый взгляд оно ничуть не походило на водоем с островом посередине, больше напоминая разукрашенное твореным золотом плоское блюдо, на котором высилась пламенеющая пирамида.

«Там кругом вода, — утверждал Куямбира. — Посреди воды остров. На острове неведомая сила и каменные дома».

Доведись Куямбира-Петро взглянуть на чудеса современного Нью-Йорка, он, вернувшись в родную деревеньку на Рио-Можу, описал бы все примерно так же — и теми же словами.

Впереди, ступень за ступенью, вздымались горящие закатными красками каменные террасы, вырастая в огромную пирамиду. Даже не выбирайся из каноэ, люди могли оце-

нить невероятные размеры блоков, образующих ее нижний уровень.

Вдоль водяной кромки у подножия простиралась широкая площадка из золотистого камня. За ней метров на десять в высоту уходила неприступная стена красно-оранжевого цвета без проходов и ступеней. На самом верху стены располагался первый ряд того, что Куюмбира называл «каменными домами».

Это были одинаковые по форме сооружения из поставленных под углом каменных опор с водруженными на них плоскими плитами-крышами. Точно такие же ряды, с каждым новым ярусом уменьшаясь в размере, шли по всей высоте пирамиды. И все же массивная рукотворная гора казалась на удивление воздушной и легкой.

Усеченная восьмиугольная вершина словно парила в зыбком светящемся ореоле. Все кругом заливало ослепительное сияние, и мерцающий нимб, вероятнее всего, был оптическим обманом.

В каноэ естествоиспытатель Брайс Отуэй повернул обожженное солнцем лицо к Уэрингу, зарабатывавшему на жизнь журнальными публикациями и военными репортажами.

— Доплыли! — выдохнул он. — Оно существует! Ты ведь тоже это видишь? Ох, дружище, мы здесь первые — только вдумайся! Мы, Уэлинг, первыми привезем отсюда фотографии, первыми расскажем обо всем цивилизованному миру!

— И ведь правда! — Уэлинг улыбнулся. — Кто бы мог вообразить такое!

Остальные трое путешественников: молодой владелец яхты Сигзби, его низкорослый стюард Джонни Бликенсдерфер, которого все называли Джон Б., и мистер Терон Нарцисс Теллифер, нью-йоркский светский лев из района Вашингтон-сквер, — каждый на свой лад подтвердили сказанное.

Они были вынуждены оставить «Странника», моторную яхту Сигзби, у первых стремнин и потому немало потрудились и много чего вынесли, добираясь сюда. В начале пути

их, помимо Куямбиры-Петро, сопровождали четверо гребцов-кабокло, бразильских индейцев-полукровок.

Всеaborигены в первую же неделю пали жертвами бери-бери. Болезнь пощадила белых, несомненно, благодаря иному рациону, тогда как бразильцы всю жизнь питались одной лишь крупой да вяленой говядиной. Поднявшись так далеко по Рио-Силенсиозо, пятеро выживших не желали отступать.

Рио-Силенсиозо¹, воистину Молчаливая река, протекала по безмолвным джунглям: здесь не раздавалось криков и завывания зверей, и лишь гудение несметного числа жалящих насекомых скорее подчеркивало, чем нарушало ночную тишину. Это была не первая экспедиция на Силенсиозо. Другие путешественники не вернулись — ни один, кроме старого чистокровного индейца, Куямбиры-Петро. Его рассказы заинтересовали американцев на борту «Странника» и, пусть уже без него самого, помогли отыскать загадочное озеро и пирамиду.

Путешественники — весьма неохотно и только потому, что дальнейшее, даже краткое, продвижение под палящим солнцем на веслах стало бы самоубийством, — бросили якорь, тяжелый камень на веревке, и он опустился на гачечник дна в двух метрах под ними. После этого они принялись готовиться к обеду и сиесте.

Из каноэ озеро казалось чуть не идеальным кругом, расположенным в сердце того, что некогда было огромным плато-шападо, пока несколько тысяч сезонов дождей не размыли его поверхность и оно не стало частью болот и топей Амазонской низменности. Речной проток, по которому экспедиция проплыла сюда, являлся единственным водным путем в озеро. По всей вероятности, он питался подземными родниками, ибо вода в нем отличалась хрустальной чистотой, а на каменистом дне не наросло илистого налета. Глубина была небольшая, и вода прогрелась, сделав жару почти невыносимой. Однако никто и не думал жаловаться.

¹ Silencioso (*португ.*) — тихий, безмолвный (Здесь и далее прим. перев.).

— Жарко, как в Геенне огненной, — произнес Теллифер, склонный эстетствовать, — но сия гора взмывающего выс阶级 пламени искупаает всякое!

Растянувшись в тени навеса и крытой пальмовыми листвами кабинки, все тяжело дышали и потели, но радостно предвкушали близящееся освобождение.

Около половины пятого задул бриз, подобный дыханию рая. Поверхность озера покрылась легкой зыбью. Охваченные оптимизмом, исследователи направили каноэ к пирамиде. Еле уловимая глазом белесая дымка у ее вершины, замеченная ими некоторое время назад, испарилась вместе с удушающей жарой.

Повернутая к притоку девятиветровая стена, образующая первый уровень сооружения, не могла похвастаться ни проходом внутрь пирамиды, ни ведущими наверх ступенями. Древние строители, тем не менее, должны были как-то забираться туда, используя способ поудобнее канатов и вевревочных лестниц; посему каноэ повернуло и поплыло вокруг основания каменной громады.

Приблизившись к подножию, путешественники увидели, что пламенно-алая стена покрыта множеством барельефов. По исполнению они смахивали на искусство Древнего Египта, впрочем, как и большая часть находок при исследовании сгинувших цивилизаций Южной и Центральной Америки. Скалу испещряли изображения людей, мужчин и женщин: обнаженные мужчины несли блюда с фруктами и бутыли с вином, женщины были одеты лишь в накинутые на плечи подобия плащей. Мужчины просто шли, но женщины, по всем признакам, кружились в ритуальном танце или играли на инструментах, напоминающих флейту Пана из нескольких тростниковых трубок.

Как заметил Теллифер, создатели барельефов, к сожалению, испортили такое очаровательное приношение даров, прибавив к этим и иные фигуры — чудовищ, извивающихся на заднем плане и иногда оплетающих танцовщиц.

— Солнцепоклонники! — хмыкнул Уэлинг, вспомнив предположение Отуэя о возможной религии строителей пирамиды. — Если глаза не обманывают меня, они скорее

поклоняются этим многоноожкам и здесь изображен их стоногий ритуал. Ну, Отуэй! И чего теперь стоит твоя догадка?

— Отстань! — весело откликнулся ученый с носа лодки.
— Не видишь, как сбываются самые смелые мои мечты!

Немного дальше, на той из восьми сторон пирамиды, что выходила на запад, они обнаружили искомое. От воды до самой вершины вела лестница с просторными площадками по обеим ее сторонам на каждом ярусе. У ее широкого, примерно тридцатиметрового основания расположились огромные пристани из резного камня. Все вместе являло собой величественное сооружение циклопических пропорций. При виде этой помпезной красоты, зовущей ввысь, путешественниками должно было овладеть еще большее ликование.

Но, как ни странно, они лишь скользнули взглядом по столь грандиозному достижению древних строителей. Ведь, пока каноэ огибало пирамиду, люди в нем заметили нечто в своем роде еще более поразительное, чем она сама.

У причалов возле подножия лестницы они увидели огромное количество лодок, от малых индейских пирог до оснащенных кабинами каноэ, превосходящих по размеру каноэ Отуэя. Некоторые, пережившие далеко не один сезон дождей, уже успели подгнить и частично уйти под воду, другие отличались относительной новизной, будто их владельцы прибыли сюда не более месяца назад.

Но ошеломляло не только это.

Над всеми заброшенными судами и суденышками возвышался чуть покачивающийся на крепких поплавках большой серый гидроплан последней модели!

Глава 2

НА ПОМОЩЬ

— Лодки здесь оставляли в течение многих лет, — произнес Отуэй. — Нам придется смириться с тем, что озеро мы нашли далеко не первыми, но все опередившие нас, исключая Куюмбиру-Петро, поднялись по этой великолепной лестнице, так и не спустившись обратно. Взять хотя бы гидроплан! Он, конечно, прибыл сюда недавно. Из баков еще не испарилось топливо. Двигатели в отличном состоянии. Поэтому неясно, отчего тот или те, кто прилетел на нем, если они живы и свободны выбирать, к нему не вернулись!

Отуэй, Олкот Уэлинг и молодой Сигзби стояли у входа в одну из построек на первом ярусе пирамиды. Два их товарища, Теллифер и Джон Б., по-прежнему находились в каноэ у причала среди заброшенных лодок.

Еще на воде Отуэй настоял на том, что сперва надо разведать обстановку. Военный корреспондент и Сигзби не хотели пропускать такую вылазку, а вот Теллифер согласился разделить со стюардом вахту в лодке.

Поднявшись по лестнице, трое разведчиков свернули на первом ярусе направо и вошли в ближайшее строение. Они были в восточной части пирамиды и сейчас, во время заката, очутились в глубокой тени. Но, стоило глазам привыкнуть к полумраку, друзьям вполне хватило света, льющегося из высокого дверного проема и двух окон.

Разведчики находились в большой комнате, или зале, представлявшей из себя квадратную усеченную пирамиду метров восьми в высоту и десятка в длину и ширину. Голый пол истерся от долгих лет хождения по нему. Вдоль стен тянулось подобие каменной скамьи, разорванной в глубине зала широкой нишой примерно в два с половиной метра. В нише на низком пьедестале лежала небрежно брошенная шкура пантеры, старая и потрепанная. Роскошный короткий мех испещряли залысины. Ниша служила кому-то спальней, а рядом с ней валялся, будто нечаянно сби-

тый застигнутым врасплох хозяином, глиняный кувшин, расписанный красно-желтым орнаментом.

Стены покрывало волокнистое полотно, выкрашенное в те же кричащие цвета, что и кувшин. Когда шкуру приподняли, выпало ожерелье из золотых дисков, соединенных меж собой цепочками. Сама коричневатая шкура, хоть и выглядела изношенной и потертой, тоже была обшита по краю золотыми дисками, зазвеневшими под рукой. Каждый диск на шкуре и на ожерелье украшало чеканное изображение полусферы с исходящими из нее короткими прямыми линиями. Путешественники приняли его за примитивный рисунок солнца.

— Ага, как же, свободны! — вспомнил Уэлинг последнее слова Отуэя.

Ученый всплеснул руками.

— Свободны! — откликнулся он. — Дружище, оглядись. Циновки на стенах старые, но никак не древние. В таком климате пальмовое волокно и травы, из которых они сплетены, сгнили бы меньше чем за полвека. Животное, носившее эту шкуру, бродило по окружающим джунглям лет десять назад. Золото и расписная керамика, конечно, могут оказаться ровесниками пирамиды, и мы этого не заметим, но ткань с мехом... Хотя ты, наверное, сам прекрасно все понимаешь. И пришел к тем же выводам. Еще недавно в этом месте жили люди. А если это так, то почему бы им здесь не жить и сейчас?

— Послушайте! — подал голос Сигзби. — Если вы правы, то это просто великолепно! Будь все, как вы говорите, то парни, прилетевшие на гидроплане, возможно, попали в плен. Предлагаю незамедлительно двигаться вперед — им на подмогу. Нас пятеро. Каждый — чертовски хороший стрелок. Если тут и впрямь есть остатки народа, что должен был давным-давно сгинуть, но продолжает нападать на беззащитных гостей, то нас им голыми руками не взять. Пойдемте! Хочется узнать, что таится на плоской верхушке этой древней груды разукрашенных камней!

Отуэй вопросительно посмотрел на корреспондента.

— Ты у нас главный, — заверил Уэлинг. — Выбрал вождя — следуй за ним. Но, по-моему, Сиг прав! Тот гидроплан... появился здесь совсем недавно. Вокруг творится какая-то бесовщина. Надо быть поохотительней. И все же... ну, не хочу бросать парней в беде даже на лишний час, а то как бы не стало поздно.

Ученый вдруг с улыбкой кивнул, чем нескованно обращал Сигзби.

— Я за подъем, — согласился он. — Просто не был уверен, стоит ли его предлагать. Куямбира ничего не говорил о том, что здесь есть люди. Неизвестно, что именно он видел.

Четверть часа спустя все пятеро с ружьями наизготовку и с заряженными пистолетами в кобурах двинулись покорять пирамиду.

Огромная лестница вела прямо к вершине. По какой-то странной причине, возможно, из-за мерцающей дымки, падившей над пирамидой в разгар дня, никто не сомневался, что опасность вместе с разгадкой тайны поджидают их именно наверху, а не в безмолвных постройках, чьи темные окна и двери так сильно походили на пустые глазницы и разъявленные рты.

Олкот Уэлинг вызвался идти впереди. Он казался настоящей горой плоти — веснушчатый толстяк с круглыми ярко-серыми глазками, несущий свой немалый вес вверх по ступеням с шумом, достойным слона, ломящегося сквозь джунгли.

Сразу за ним следовал Джон Б., чуть ли не лучше всех в компании владеющий винтовкой. Это был тихий человечек с собачьим взором карих глаз и мягкими манерами, но его бесхитростные рассказы отражали опыт путешественника, объехавшего почти весь свет.

Отуэй, всемирно известный естествоиспытатель и исследователь, сверкал круглыми очками в черепаховой оправе на не менее круглом лице, обычно лунащемся весельем. Он шагал вслед за молодым Сигзби, чья жизнь до этого путешествия не отличалась разнообразием. Теперь он с готовностью шел навстречу любому приключению.

Шествие замыкал мистер Терон Нарцисс Теллифер, оказавшийся в арьергарде, надо заметить, не из боязливости, а потому что чуть задержался, любуясь видом на озеро. Высокий и худой, он то и дело поворачивал серьезное и довольно меланхоличное лицо назад, ибо цвета воды и неба завораживали его куда сильнее, чем ожидающие впереди чрезвычайные происшествия. Надо было очень хорошо знать Теллифера, чтобы понять, почему друзья предпочитали величать его по инициалам, счтя их самым верным для него прозванием.

Так, разомкнутым строем, друзья достигли конечной цели путешествия, как и все те, кто мужественно устремился к вершине пирамиды, оставив лодки гнить у ее подножия.

Тем временем солнце уверенно падало за горы на западе. Огромная тень от пирамиды накрыла восточную часть озера, погрузив берега во тьму. Лестница затянулась пеленой быстро сгущающихся сумерек.

Глава 3

SCOLOPENDRA HORRIBILIS

Первое настоящее свидетельство того, что пятеро исследователей действительно были не одни на рукотворном каменном острове, прилетело на крыльях звука. Поначалу тихого, чуть слышного. Но скоро ставшего неприятным, болезненно навязчивым.

Кто-то играл на флейтах, дуэтом выводя странную мелодию — монотонную, минорную, в одной и той же октаве. Менялся только ритм, то медленный, то быстрый. Бесконечное повторение нескольких однообразных нот.

Было сложно определить, где именно играют. Сперва казалось, что музыка доносится откуда-то сверху, затем путешественники могли бы поклясться, что она исходит из самой лестницы или сочится сквозь нее.

Никто не решался заговорить. Как бывает в тропиках, внезапно погасли последние лучи заката. На иссиня-черном небе замерцали огромные звезды. Легкий бриз смеялся холодным ветром. Пирамида темной горой нависла над друзьями, и лишь вокруг ее плоской вершины снова забрезжило слабое, еле заметное сияние.

— Может, не пойдем? — Отуй невольно задал вопрос шепотом, хотя, если не считать необычных звуков флейт, иных признаков жизни вокруг не наблюдалось.

Из черноты донесся ответ Теллифера, сопровождаемый неуверенным смешком:

— А у нас получится повернуть обратно? Все, кто сюда пришел, повиновались странному зову из глубин пирамиды. Вот так...

— Пошли, говорю, — не обращая на него внимания, скомандовал Уэлинг. — Выясним, что там творится.

— Все, хватит болтать! — нетерпеливо вставил Сигзби.
— Мы сможем прокрасться наверх. Надо поглядеть, во что мы ввязались.

Они вправду пошли, очень тихо и настолько быстро, насколько позволяла воцарившаяся кромешная тьма. Компания не забыла прихватить с собой светильник, но включить его никто не осмелился. К тому же Отуэй запретил даже изредка пользоваться карманными фонариками, напомнив, что в любой из построек справа или слева может прятаться невидимый враг.

По мере приближения к вершине, ступени не только становились все уже, но теряли былую гладкость. Путешественники нередко чертыхались вполголоса, спотыкаясь на выбоинах. Уэлинг не преминул заметить, что им только в разведку по нейтральной полосе ходить — боши² тут же откроют огонь, обнаружив свое местоположение.

Стоило репортеру это произнести, как его нога провалилась в очередную дыру. Жертвы недавней насмешки были мгновенно отмщены, так раскатисто загрохотало его снаряжение и настолько громко он выругался, когда упал на ладони и колени. Таящаяся где-то рядом угроза ничуть не помешала спутникам огласить пирамиду сдавленным смехом.

Однако ни одна из этих вольностей и случайностей не навлекла на них беды. Монотонная мелодия продолжала литься. Они шли к вершине, и навязчивое облигато³ становилось все пронзительнее и четче. Наконец им осталась всего дюжина ступеней. Лестница, сузившаяся здесь до двух метров, обрела неожиданно резкий наклон.

Отуэй приказал остальным ждать и начал подниматься по конечному отрезку в одиночку. Стоящие внизу путешественники видели, как на фоне призрачного белого свечения, венчающего пирамиду, исчезает смутный силуэт его головы, а затем и тела. Отуэй передвигался ползком, плотно прижавшись к ступеням.

Минуло долгих пять минут, прежде чем они увидели его вновь, но теперь он стоял во весь рост. В темноте они вроде

² Бош — презрительное прозвище немецких солдат.

³ Облигато — обязательная к исполнению партия инструмента в музыкальном произведении.

бы различили, что он манит их к себе. Потом он опять исчез.

Всех мучил вопрос, точно ли это был Отуэй, а не какой-нибудь недруг — человек или чудовище. Терзаясь предчувствиями и сомнениями, друзья поползли по узкой лестнице и добрались до цели.

Первым на широкой плоской площадке, окаймляющей верхушку, очутился Уэлинг. В белом свечении, ярким потоком исходящем из отверстия в центре, он увидел, как к внутренней части площадки, припав к полу, движется чья-то фигура.

Убедившись, что это действительно Отуэй, корреспондент беззвучно поспешил в его сторону. Через плечо замершего у края площадки естествоиспытателя он поглядел вниз. И, со свистом набрав в грудь воздух, опустился на колени. Положив ружье на камень и вцепившись в него обеими руками, Уэлинг продолжал наблюдать.

Постепенно к ним присоединились остальные. И вот уже пять загорелых, удивленных лиц нависли над полым центром пирамиды.

Восьмисторонняя вершина оказалась стеной вокруг открытого пространства в полсотни метров в ширину и примерно пятнадцати в глубину. Со своей позиции они видели, что внутрь этого углубления под углом к восточной части ведет крутая лестница.

В целом место напоминало сад. По периметру центральной зоны в земле, насыпанной за низким парапетом из желтого камня, росли фруктовые деревья, цветущие кусты и невысокие изящные пальмы. Но путешественников, тем не менее, ошеломило не это.

Они не могли оторвать взгляд от двух фигур в середине сада, извивающихся в ритме странного танца возле лежащего на восьми выстроенных в круг тонких колоннах предмета — массивного и излучающего белесое сияние.

Одна из танцующих фигур принадлежала женщине. Ее волосы ниспадали на плечи необузданными рыжевато-золотистыми завитками. Руки и ноги были обнажены. Единственное одеяние, пятнистая шкура ягуара, закрывало ее

тело от плеч до середины бедер. Женщина не носила украшений, но шкура скреплялась золотыми цепочками и была оторочена крошечными золотыми подвесками. В янтарной копне волос искрился и сиял венец из похожих на звезды драгоценных камней.

У губ женщины держала маленький музыкальный инструмент из золотистого тростника, похожий на многостороннюю флейту Пана. Она дула в его трубы, и оттого казалось, что звучит дуэт из обычных флейт.

Ее партнер был огромным демоном во плоти, олицетворением Ужаса. Вряд ли кто-нибудь сумел бы определить его настоящий размер. Бесчисленные, схожие с когтями конечности мелькали в танце с ошеломляющей скоростью.

По форме существо напоминало могучего змея. Но вместо бочкообразного туловища, обтянутого чешуей, оно обладало телом, составленным из узких плоских сегментов песочного цвета, и каждый из них украшала — или уродовала — пара пугающих когтей, острых как ножи, изогнутых, смертоносных. Временами это бледно-желтое чудовище растягивалось во всю длину, покрывая половину площадки узором из мельтешащих сегментов. Его передняя часть то опускалась, то вновь поднималась, скручиваясь в спираль, и жуткая голова высоко парила над танцовщицей.

В эти мгновения казалось, что, распрямись адское создание чуть больше, его глаза очутятся на уровне глаз расположившихся над площадкой наблюдателей. Ибо глаза у него были, хотя лицо отсутствовало. Два огромных желтых диска без сетчатки и зрачков смотрели с выпуклой блестящей пластины, будто состоящей из сплошной кости. Воздух над ними рассекала пара чуть ли не метровых сяжков, похожих на кнуты. Под пластиной, на месте рта, располагались две пары гигантских жвал, издававших сухой треск при смыкании. Поднимаясь над площадкой, голова раскачивалась в разные стороны, и создавалось ложное впечатление, что чудовище слепо. Потом оно стремительно падало к ногам женщины, вновь образуя отвратительный узор.

При этом странные танцоры избегали прикосновений. Равнодушная к страху,вшаемому партнером, женщина

крутилась и прыгала между кольцами, но ее обнаженные ноги всегда изящно вставали лишь на землю. Существо, в свою очередь, как ни близко находилось от ее тела, ни разу не коснулось когтями ее одеяния, развевающихся волос или гладкой и сияющей светлой кожи.

Главной идеей всего танца оставалось кружение у све-тящегося объекта на колоннах.

Вдруг кто-то прошептал:

— *Chilopoda!* Губоногое! Сколопендра. *Chilopoda Scolopendra Horribilis!*

Слова прозвучали подобно колдовскому заклинанию, ве-съма подходящему к случаю. Но ими биолог Брайс Отуй э-всего лишь классифицировал самый замечательный экзем-пляр в своей жизни.

— Хило... что? Да это сущий ночной кошмар — ужас! — высказался Уэлинг.

Последнее, более обстоятельное, определение осталось за Джоном Б., и он, как обычно, неспешно протянул:

— Когда я служил стюардом на «Королеве Юга», ходил от Сан-Франциско до Вальпараисо, был у нас помощник механика, Билл Флэнниган. Так он говорил, что однажды в Эквадоре видел похожую тварь, только длиной почти в пол-метра. Но Билл Флэнниган любил приврать, вот я ему то-гда и не поверил. Теперь полагаю, что он говорил правду. Гусеничка! Не думал я, что они такими большущими выра-стают. Поглядеть на это стоило, да, мистер Сигзби?

Но молодой мистер Сигзби промолчал.

Было невозможно оторвать зачарованных глаз от мягко-го свечения объекта на колоннах, от извивов и изгибов тан-цовщицы и непрекращающегося движения ее партнера.

Не исключено, что именно поэтому для всех стало не-ожиданностью, насколько зреющим Теллифер прервал этот танец.

Сначала что-то тихонько скользнуло по гладкому кам-ню. Затем раздался короткий и громкий вскрик. Нечто со свистящим звуком пролетело сквозь похожие на иву кро-ны пальм-эвтерп. Потом были жуткий треск и глухое паде-ние — это ТНТ приземлился на площадку внизу.

Падать пришлось долго. К счастью, эстет низринулся в кроне одной из пальм. Упругий ствол склонился вместе с ним, а пышная копна зелени послужила подушкой, смягчившей удар о землю: таким образом Теллифер избежал тяжелых повреждений.

Сверху было видно, как он выпутывается из кроны и неуклюже встает на ноги.

Девушка, оказавшаяся поблизости, прекратила кружиться. Рука, державшая золотую флейту Пана, опустилась. Музыка смолкла, вместе с ней утихло шуршание чудовищных колец. Однако через секунду все услышали негромкий, но более пугающий звук.

Над искаженным страхом лицом Теллифера возникла другая голова — ужасающая, гладкая, с огромными тусклыми желтыми глазами — и жуткими жвалами, раскрытыми в жадном предвкушении.

Теллифер пронзительно закричал, напрасно пытаясь уклониться.

Глава 4

СОЛНЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Двое из замерших у внутренней кромки пирамиды мужчин слышили настоящими снайперами. Тяжелые разрывные пули, выпущенные из четырех винтовок опытными и не очень стрелками и направленные в цель в несколько раз крупнее человеческой головы с десятка метров, были просто обязаны мгновенно разнести в клочья желтый панцирь с мозгом чудовища в придачу.

Позже Джон Б. не раз клялся, что, несмотря на плохое освещение и стрельбу под углом, он никак не мог промахнуться — и, скорее всего, не ошибался. Пусть не все, но многие пули наверняка прошли место, где колыхалась отвратительная голова в тот момент, когда спустили первый курок.

Но *Scolopendra Horribilis*, поражающая гигантскими размерами, оказалась быстрее паука на охоте, в которого хоть весь день в упор стреляй, ни за что не попадешь.

Теллифер застыл, пригнувшись и выставив вперед пустые руки, и с ужасом взирал на нависший над ним рок. Чуть поодаль танцовщица замерла в изящнейшей позе, выражавшей испуганное удивление. И вокруг них, так же как и над ними, извивалось невероятно длинное создание из колец, желтых пластин, изогнутых когтей и смертельно ядовитых клыков.

Сверху оглушительно загремел раскат выстрелов. На другом конце площадки, на уровень ниже, стрелой промелькнуло желтоватое пятно — или то был обман зрения — и мгновенно исчезло.

Девушка осталась. Теллифер был на месте. *Scolopendra Horribilis* пропала, растворилась, как сон. Вот она здесь. Вот ее уже нет. И выстрелы оказались как бы ни при чем: чудовище отступило по собственному выбору!

В западной части прямо в площадке зияло круглое черное отверстие, похожее на большой люк. В эту дыру жел-

тый «обман зрения» и нырнул, сгинув с глаз.

Громкое эхо ружейного залпа смолкло, удивленная танцовщица пришла в себя, однако убегать вслед за чудовищем не стала. Судя по ее поведению, пороховая вспышка и отрикошетившие пули напугали ее не сильнее, чем жуткие ядовитые клыки партнера по танцу.

Она наклонила голову и спокойно посмотрела на темные силуэты у восточной кромки. Затем, легко касаясь земли босыми ступнями, девушка поспешила к ближайшему из гостей, к Теллиферу.

Уэлинг закричал, велев ТНТ побыстрее подниматься к товарищам. Если танцовщица была в пирамиде не одна, звуки выстрелов наверняка привлекли внимание ее соплеменников. Хуже того, в любой момент могло вернуться чудовище, исчезнувшее в темной норе.

Все эти опасности Уэлинг обрисовал несколькими выразительными словечками. А когда он увидел, что вместо подчинения приказу Теллифер не торопится покинуть дьявольское логово и радостно приветствует жрицу, то добавил еще несколько фраз, теперь уже покрепче.

Но в ответ девушка лишь бросила взгляд наверх, а Теллифер, похоже, заартачился. Голос, доносящийся снизу, был почти не слышен, в отличие от окрика Уэлинга. Его товарищам удалось понять только несколько слов.

Они сумели разобрать:

— Хватит тебе, Олкот, — а потом еще что-то едва различимое про «Блаженную деву» и «семь звезд в волосах»⁴. В лучшем случае это лишь косвенно относилось к практической стороне дела.

Великан-репортер окончательно потерял терпение, разлившись на безрассудного друга.

— Вот дурак-то! — пропыхтел он. — Парни, оставайтесь здесь. Я иду за ТНТ!

Теперь Уэлинг преодолевал последний отрезок длинного пути, пройденного его многочисленными предшествен-

⁴ «Блаженная дева» (1878) — картина Данте Габриэля Россетти, на которой изображена девушка в венке из звезд.

никами: он ринулся в самое сердце древней пирамиды.

Пятеро товарищей прекрасно помнили о печальных останках лодок и судов у причала внизу и осознавали, что пирамида гостей привечает, но отказывается отпускать. И они видели ужасающего компаньона девушки.

Однако, когда Уэлинг, пылая негодованием, спустился на площадку, гневные слова, готовые сорваться у него с языка, все же не обрушились на голову Теллифера. Друзья, оставшиеся наверху, наблюдали, как он резко остановился. Снял шляпу. Его последующие движения говорили, что он растерялся — или даже смутился.

— Сейчас и мистер Уэлинг ей ручку жмет, — несколько озадаченно прокомментировал Джон Б.

— Безумие какое-то! — сказал Отуэй и, уже в свою очередь, протестующе повысил голос до крика: — Уэлинг! Эй, Уэлинг! Про стоножку не забывай! Господи! Ладно, вы двое оставайтесь тут. Я сбегаю вниз и приведу эту чокнутую пачку в чувство...

Голос естествоиспытателя, хриплый от волнения, стих внизу.

Сигзби возмущенно произнес:

— Если они думают, что я готов пропустить самое интересное из происходящего...

Конец его фразы также затерялся при спуске по лестнице.

Джон Б. ни перед кем не оправдывался. Ведь объясняться ему было уже не с кем. Всем известно, что даже опытнейшие мужи иногда подчиняются инстинкту и просто «следуют за толпой».

Достигнув нижнего уровня с его магическим притяжением, стюард не потерял головы и не бросился опрометью в гостеприимные объятия, в отличие от своего юного наимателя. Но шляпу с головы уважительно стянул. И звать назад никого не стал, хоть это было бы разумнее всего.

Как позднее сетовал Сигзби, девушка, на их беду, оказалась из тех, кого в древней пирамиде да еще в компании колоссальной сороконожки встретить не ожидаешь! Будь она загорелой амазонкой с пылающими черными очами и

буйными кудрями, ее присутствию в таком месте никто бы не удивился, даже больше, от такой они бы легко отвернулись и ушли, а может, и в плен бы ее взяли.

Но эта девушка смотрела на гостей большими и немногим печальными глазами. И глаза ее поражали синевой, какую встретишь лишь летом — в восточной части неба, перед самым восходом солнца. Попав под ее чары, мужчины не спешили покинуть площадку. Мало того, мысль о необходимости уйти вдруг показалась ненужной, совершенно пустячной. Лик в ореоле рыжего золота локонов с короной из звезд не мог таить зла.

К тому времени Отуэй успел спуститься и с удивлением убедился, что упоминание «Блаженной девы» было не столь неуместным, как виделось сверху. Уэлинг же, достаточно придя в себя, тихонько посмеивался.

— Отуэй, — заговорил он, — жрица древнего солнечного культа... культа стоножки.. короче, какой-то там чудаковатой религии горит желанием с тобой познакомиться! Ты ведь у нас знаток местных наречий. Знаешь, на каком языке беседовали до Адама? Нам бы это сейчас пригодилось.

Ученый тоже пожал протянутую женскую ручку и взглянул в рассветно-синие глаза. После чего набрал в грудь воздуха и покачал головой в ответ на вопрос репортера.

— Попробую поговорить с ней на тури или подобном диалекте. Но она не индианка. Сам разве не видишь? Чистейший европеоид. Судя по глазам и волосам, у нее либо англосаксонская, либо французская кровь. Возможно, есть и ирландская. Посмотри на ее нос...

— Боже мой! Перестаньте говорить о ней в таком тоне, — возмутился юный Сигзби, сдавшийся девушке без борьбы, — по-моему, она понимает каждое ваше слово.

Последовало смущенное молчание. Всем вдруг показалось, что серьезное лицо, озаренное приветливой улыбкой, и предрассветная синева глаз светятся умом.

Уэлинг опять заговорил с незнакомкой и спросил, знает ли она английский, но девушка промолчала и не подала виду, что понимает его. Отуэй сделал схожую попытку, об-

ратившись к ней сначала на португальском, затем на тути, универсальном языке торговли в Бразилии, и на нескольких индейских диалектах. Все было напрасно, как и вопросы на французском, итальянском и немецком, заданные уже от отчаяния, ибо результат был неизменно отрицательным. Путешественникам подумалось, что все их ресурсы исчерпаны, но неожиданно Теллифер внес свою лепту, произнеся несколько звучных фраз на древнегреческом.

Услышав их, девушка заулыбалась еще печальнее. Будто укоряя себя за неспособность понять, она попятилась. Грациозно взмахнула тонкими белыми руками — и слегка отступила за центральные колонны.

— Греческий! — фыркнул Уэлинг. — Теллифер, ты никак вообразил, что Рио-Силенсиозо — это Геллеспонт? Ты же ее напугал!

Эстет принял яростно оправдываться:

— Выбор мне подсказала Психея! Эти твои немецкие глаголы навели жути...

— Джентльмены, зря мы предаемся раздору! Она пошла звать сюда свою ужасную стоножку! — вмешался Отуэй.

Джон Б. успел незаметно проскользнуть вслед за незнакомкой и оглядеть западную сторону площадки; теперь он быстро поправил товарища:

— Простите, мистер Отуэй, но вы ошибаетесь. Она просто закрывает нору, в которую прошмыгнуло чудище... Закончила, идет обратно.

Но разгоряченный Сигзби все-таки высказался:

— Парни, как я от вас устал! Как будто эта девушка вообще способна обидеть кого-то, тем более после таких рукопожатий и... и...

— Улыбок, — холодно произнес Уэлинг, заканчивая за него фразу. — Сиг, Отуэй прав. Мы валяем дурака. И мы давно не дети. Место тут странное. Чересчур странное! Возможно, женщина что-то замышляет. Надо заставить ее... А вот и она сама! Готов поспорить, что за ней явится все ее племя!

— Простите, мистер Уэлинг. — Джон Б. по-прежнему следил глазами за жрицей. На сей раз она зашла в один из

скрытых кустарником проходов от центра к стенам. — Помоему, юная леди никого не зовет, сэр. Она опять возвращается.

Пока он говорил, незнакомка появилась вновь. В тонких руках она держала что-то вроде плетеного подноса с щедрой горой спелых манго, бананов и изысканных плодов гуавы.

В такой ситуации только самый нерадивый из стюардов не бросился бы на помощь. Однако молодой наниматель Джона Б. тут же опередил его на целый ярд и лично, галантнейшим образом, принял тяжелый поднос из рук хозяйки. Джону Б. осталось лишь негодовать.

Сигзби вернулся настоящим победителем — с подносом в руках и с синеглазой девушкой, будто облако, плывущей следом.

— Вот только попробуйте намекнуть, что она собирается отравить нас фруктами, и будете разбираться со мной! — пригрозил он.

— Перестань, Сиг. Головой подумай. Ты о ней ничего не знаешь.

Уэлинг внезапно замолчал — две нежные ручки протянули ему самые красивые плоды на выбор. По какой-то причине, стоило глазам девушки встретиться с его взглядом, веснушчатый великан-репортер залился краской. И вроде бы промычал «извините», спешно схватив подношение.

— Не сыщешь в море глубины, что у нее в глазах⁵, — рассеянно проговорил Теллифер.

— Теллифер, и ты перестань! Пожалуйста. Она ведь еще девочка, детей нельзя обижать, отказываясь от их миных подарков, например, от фруктов.

— Она не хочет нам зла. — Отуй мгновенно пришел на выручку другу. — Сам же, Уэлинг, говоришь, что это просто ребенок. Она никому намеренно не навредит. Бог знает, что с ней приключилось: это же белая девочка, воспитанная недалекими, может, даже отсталыми представителями расы, построившей это место. Ее определенно намеревались

⁵ Из стихотворения «Блаженная дева» Россетти (пер. В. Окуня).

сделать жрицей или даже принести в жертву богам. Если помнишь, внизу мы видели изображение религиозного шествия, где точно так же одетые танцовщицы играли на многоствольных флейтах, а чудовищные сороконож...

— Замолчи! — В голосе юного Сигзби звучало отчаяние. Он уже поставил поднос и теперь принимал фрукты из рук девушки. — То, что мы видели сверху, было иллюзией — мороком! Ни с каким чудовищем она не танцевала.

— ТНТ!

Это восклицание, или скорее крик, исходило от Уэринга. Под пристальным взором рассветно-синих глаз корреспондент пытался совершить невозможный подвиг — изящно откусывать манго — и вдруг заметил, как Теллифер заходит за центральные колонны. Оставалось неясным, из чего сделана мерцающая белая глыба, покоящаяся на них. Уэринг, по крайней мере, еще не настолько потерял бдительность, чтобы не думать об этом.

— А ну вернись! — позвал он. — Теллифер, мы не знаем, что это за штука. Она может оказаться опасной.

Но эстет словно оглох, полностью поглощенный предметом. Чем ближе он подходил к мерцающей массе, тем быстрее становился его шаг, и тут все увидели, как его руки взметнулись вверх в жесте поклонения.

А через мгновение он начал падать, будто Арлекин, проваливающийся в люк в старомодной комедии.

Каменная плита пола наклонилась под его тяжестью, и он кубарем покатился вперед и вниз. Друзья беспомощно наблюдали, как ТНТ соскальзывает в окруженную восемью колоннами яму неизвестной глубины.

Из предательской ловушки раздался слабый крик. И сразу смолк.

Швырнув прочь сочавшийся соком плод манго, Уэринг ринулся на помощь. Остальные трое бросились за ним.

Тонкие колонны, высеченные из камня закатных оттенков, отличались изяществом, не свойственным иным частям древней пирамиды. Вздымаясь на четыре метра над полом, они стояли по углам восьмиугольного отверстия или ямы.

Сложнее было охарактеризовать форму мерцающей массы, водруженной на столбы. Очертания громады терялись в ее же собственном свечении, смазанные бледными лучами. Однако это сияние не ослепляло. Стоило подойти к колоннами поближе, и форма виделась более определенной. Верхушки столбов служили опорой для чуть выпуклого низа глыбы света. В целом она напоминала полушиарие с восемью гранями, разбитое по всей поверхности на множество изогнутых треугольников.

Свет исходил изнутри, точно там горела огромная лампа, однако в глыбе не было сияющего центра, испускающего лучи. Куда бы ни падал взгляд, вещество казалось прозрачным. И все же свечение оставалось достаточно ярким и не давало заглянуть глубоко внутрь.

Уэринга даже сейчас, в столь странную минуту, не покидало необъяснимое ощущение, что где-то он уже видел нечто подобное.

— На край не ступать, — сказал он товарищам, хотя сам, казалось, шагнул вперед со всей опрометчивостью.

Но на самом деле он был очень осторожен. Вокруг колонн он насчитал шестнадцать каменных плит. Восемь из них представляли собой цветные пятиугольники. Они перемежались с узкими продолговатыми камнями, каждый из которых лежал как раз у основания колонн, словно колесные спицы. Никто не знал, попал ли Теллифер в единственную ловушку или же все пятиугольные плиты могли поворачиваться под весом наступившего на них. А если сработает продолговатый камень, жертва полетит прямо в ближайший столб и никак не в яму.

Уэринг беспрестанно обдумывал ситуацию. Инстинкт подсказал ему, что камни-спицы относительно безопасны. Он заскочил на один из них и, вцепившись рукой в колонну, заглянул внутрь ямы.

Остальные не спешили приближаться. Они знали, что дюжего корреспондента и чудаковатого эстета связывает крепчайшая дружба. Было нечто глубоко трагичное в том, как великан Уэринг простер руку над пропастью, поглотившей дорогое ему человека.

Послышался протяжный, дрожащий вздох. Уэлинг заговорил заметно срывающимся голосом:

— Хорошо тебе там? Черт побери, ТНТ! В следующий раз услышу твой предсмертный вопль, остановлюсь покурить и только потом кинусь на подмогу! Что не отвечаешь? Горло сорвал?

Все еще не забывая про вдруг ставший неуместным трагизм ситуации, остальные приблизились к краю вслед за Уэлингом.

Иными словами, Отуэй и Джон Б., приметив, как это делал журналист, тоже подошли к яме. Не столь наблюдательный юный Сигзби просто постарался не наступать на камень, отправивший Теллифера вниз. Он поставил ногу на соседний пятиугольник и с опаской шагнул вперед.

Древние строители, трудившиеся над площадкой, пре-восходно знали свое дело. Заостренные внешние кромки плит на полу были плотно пригнаны к основной кладке, служившей им опорой. Но стоило яхтсмену лишь немногого нарушить равновесие, и ловушка сработала. Сигзби тщетно попытался отступить. Поняв, что все напрасно, он просто опустился на камень и скатился по сорокапятиградусному уклону в яму к Теллиферу.

Как только он исчез с глаз, танцовщица огорченно вскрикнула, хотя до этого предпочитала молчать. Затем она пробежала по одному из прямоугольников и тоже схватилась за колонну, стараясь высмотреть Сигзби.

Наверху, под светящейся глыбой, яма представляла собой восьмиугольник, но ее дно было вырезано в форме круглой чаши, чьи ярко-оранжевые стены постепенно чернели и тонули в кромешной тьме. Глубины в ней было от силы метра четыре.

В самом центре, скрестив руки на груди, стоял Теллифер и завороженно смотрел на нижние грани светящейся массы над собой: на лице его читался неподдельный интерес, и ничто не могло отвлечь его от созерцания — ни сложность положения, ни негодование друга. Он видел лишь льющийся сверху свет. Когда к нему, сбив эстета с ног, свалился Сигзби, успевший опять подняться ТНТ был откро-

венно раздражен из-за того, что его размышления прервали, а не по причине чувствительного удара по лодыжкам.

Впрочем, уже через секунду он возвел зачарованный взор горе.

Сигзби, печально застывший за его спиной, прервал поток посыпавшихся сверху вопросов едкой тирадой:

— А мне почем знать? Его и спрашивайте. Я ничего не вижу, кроме белого света, от которого у меня болят глаза. Эй, парни, может, кинете мне трос или еще какую веревку и вытяните меня наружу? Теллифер пусть здесь торчит, раз ему вид так полюбился. А вот я ничего особенного не заметил.

Он оглядел себя и с отвращением посмотрел на ладони, ставшие черными, как у негра.

— Дно этой ямы все в саже! — пожаловался он. — Какая грязища!

— В саже? — Отуэй поправил очки и с особым интересом склонился над отверстием. — Что за сажа?

— Что, что? Охота спрашивать, обычная черная сажа. Не видите, какой я чумазый, да и Теллифер не лучше — правда, по-моему, он об этом не догадывается. — Негодование молодого человека внезапно сменилось смехом. — Негуры! Трубочисты! Я такой же черный, как и он?

— Ты не понимаешь, — не унимался Отуэй. — Мне нужно знать, это сухой порошок, как зола после костра, или сажа липкая, словно жгли что-то жирное? — Он по-совиному вытянул шею, глядя из-за своей колонны на Уэлинга. — Я хочу выяснить, служила ли яма для жертвоприношений. В ней могли сжигать животных или людей. Скорее, последних. Я сейчас сам спущусь туда и проверю...

— Поступай как угодно, но сначала помоги вытащить меня наружу! — Сигзби с растущим ужасом смотрел на свои почерневшие ладони и одежду. — Тут жир! Быстрее, мне надо это смыть!

— Не нервничай ты так, Сиг, — усмехнулся Уэлинг. — Тебя же в жертву не приносят. По крайней мере, пока. Эй! Что там с нашей подружкой такое?

Закрыв лицо руками, девушка съежилась за своей колонной. Она издавала тихие, отрывистые вздохи. Стройное тело содрогалось от нахлынувших эмоций.

— Да она плачет! — сказал Отуэй.

— Или смеется. — Сигзби еще раз перевел взгляд с собственных ладоней на лицо Теллифера. — И я ее за это не осуждаю, — поспешил добавить он.

— Простите, мистер Сигзби, но барышня плачет. — Джон Б. успел тихонько покинуть свое место и пройти на продолговатый островок безопасности, избранный танцовщицей. — Я вижу, как между ее пальцами блестят слезы, — серьезно добавил он.

Растерянные мужчины наблюдали за происходящим, не в силах вымолвить ни слова. Вдруг Отуэй так энергично взмахнул руками, что чуть не полетел в яму вниз головой.

— Джентльмены, — отчаянно воскликнул он, — что это за место?! Где люди, ведь здесь непременно должен кто-то быть! Что это за девушка?! Почему она плачет?! И, ради всего святого, что это за штуковина светится над закоптелой ямой с ловушками по кругу?!

Чуть не разразившуюся истерику неожиданно остановил Теллифер. Он очнулся с глубоким вздохом, будто приняв чрезвычайно важное решение.

— Твой последний вопрос мы сочтем риторическим, потому как и без того ясно, что это такое. А остальные вопросы нам не важны. Ведь мы стоим перед единственной животрепещущей проблемой, и тот, кто ее разрешит, станет притчей во языцах во всех уголках мира, и слава его будет непреходяща, и воспоют его в веках! Вот только я, со всем своим изысканным вкусом и высоким интеллектом, — тут Теллифер с грациозным пренебрежением махнул измазанной рукой, — ни за что не смог бы превзойти этого прimitивного, но одаренного знатока, Куюмбиру-Петро.

Он, помнится, уже успел дать имя сему невероятной красоты феномену. Рассказывая нам об острове, он упомянул «аньи» — некий дух, сверхъестественную силу,ствавшую здесь и зовущуюся Тата Кварахи! Тогда мы его не поняли. А у бедолаги просто не хватило слов для более под-

робного описания. Но все же как точно эти два буквосочетания отражают суть. Тата Кварахи! Солнечный огонь! Почему бы не звать это так? Разве можно придумать нечто более подходящее? Солнечный огонь! Такое сияющее название. Оставим его: пусть даже те, кому не посчастливится узреть его воочию, смогут представить хотя бы отблески его божественного великолепия. Хотя я вижу, — тут глаза Теллифера встревоженно забегали, вглядываясь в удивленные лица компаний, склонившихся над ямой, — вижу, что слишком много на себя беру и вы готовы со мной не согласиться!

— ТНТ, — с отчаянием в голосе сказал Уэлинг, — погоди, вернись на землю. Объясни, если сам знаешь, что это за штука!

Зачарованный взгляд Теллифера опять заскользил по сияющему ореолу покоящейся, нет, парящей над восьмью колоннами громадины.

— Прости, Олкот, — проговорил он, — я действительно думал, что вы поняли. Мерцающий свет... сияющая прозрачность... небесная лучезарность, царственным покрывалом окутывающая все это... Эх, Олкот! Говорить такое в присутствии дамы. Но если хочешь грубо — получай: над нами, конечно, бриллиант!

Глава 5

БРОНЗОВЫЙ РЫЧАГ

Вызволение друзей из покрытой сажей ямы оказалось делом незатруднительным. Стены чаши отличались гладкостью, однако было несложно скрепить пряжками пару кожаных ремней и спустить их, чтобы люди внутри могли взойти по крутому склону, схватиться за протянутые руки и выбраться на твердую поверхность за колоннами.

Четверо путешественников вскоре покинули предательскую площадку и, возбужденно переговариваясь, то стояли в сторонке, то кружили около нее, глядя с разных точек на объект и пытаясь понять, прав ли Теллифер, заявляя, что огромная сияющая глыба над ловушкой действительно бриллиант.

Девушку, надо сказать, на какое-то время позабыли. Один только Джон Б. оставался в стороне на протяжении этой примечательной дискуссии.

— Не меньше чем полтонны! — возражал Уэлинг. — Даже предположить нелепо! Бывают камни размером с куриное яйцо. Но это! Птица Рух отложила! Гарун аль-Рашид... Синдбад... Тысяча и одна ночь! ТНТ, тебе привиделось! *Полтонны!*

— Ох, Олкот, ладно тебе. Поверь, я имел дело с драгоценными камнями, и, по моему скромному мнению, «Солнечный огонь» такой же бриллиант, как «Кохинур» — «Гора света». Но, конечно, если ты докажешь обратное...

— Сколько каратов в половине тонны? — спросил Сигзби. — Слушай, Теллифер, а ты бы булавку с таким камушком на галстук приколол?

— Я отказываюсь продолжать разговор в подобном tone! — Голос Теллифера задрожал от ярости. — Была бы в ваших душах хотя бы капля благоговения перед чудом, хотя бы намек на уважительное отношение к божественной красоте, вы бы... вы бы сами *возненавидели* тех, кто отпускает шутки про «Солнечный огонь»!

— Джентльмены, — сказал Отуэй, до этого не хотевший вступать в разгорающийся спор, — почему бы нам не оставить разговор до лучших времен? Неужели мы позабыли, зачем поднимались сюда? Как же летчики, которых мы собирались спасать?

Спорщики пристыженно замолчали. И, подумав, все как один, включая Теллифера, согласились, что удивительные приключения на вершине пирамиды в самом деле отвлекли внимание от цели.

— Но мы, однако, пока не видели никого из попавших в беду, — заметил Сигзби. — Тут одна лишь девушка.

— Простите, сэр, юная леди сейчас не с нами. — К спорщикам наконец присоединился Джон Б. Он смотрел на остальных печальными карими глазами, чуть исподлобья, как смотрит оставленный на пороге пес. — Когда вы с Теллифером выбрались из ямы, она, по-моему, повеселела и перестала плакать. Я попытался с ней заговорить, даже угощение попробовал, но ей, кажется, было все равно. Она только что ушла отсюда. Ушла, — Джон Б. ткнул пальцем в сторону одного из боковых проходов, — туда, а дверь за ней сразу закрылась.

Стюард сделал паузу.

— Она ее с другой стороны заперла, — грустно закончил он.

Четверо путешественников уставились друг на друга. В их взглядах читалось взаимное презрение.

— Плохая из нас спасательная команда, — сказал Отуэй. — Для исследователей опасных тайн мы чрезвычайно опрометчивы. Дипломаты из нас и вовсе никакие. Во вражеских рядах нам удалось найти друга, готового помочь освободить пленников, если таковые, конечно, имеются. Умного друга. Готового общаться с нами знаками. И мы тут же обидели его, повернувшись спиной. Если девушка решит к нам вернуться, то, возможно, с ней придет кто-то менее приветливый.

— Мы ранили ее чувства! — горестно воскликнул Сигзби.

— Но все было так чертовски странно! — произнес Уэлинг. — Ружейный залп... крики... но никто так и не пока-

зался, кроме нее.

— Не спорю, она может быть тут в совершенном одиночестве. — Отуй снял очки и принял задумчиво их протирать. Затем опять водрузил на нос и воззрился на сияющую глыбу «Солнечного огня».

Затем он продолжил:

— Не знаю, бриллиант это или нет, но понятно, почему Петро назвал его «аньи», то есть «призрак». Люди с подобным мышлением, сталкиваясь с неизведанным, всегда принимают его за сверхъестественное. Так же не вызывает сомнений то, что в этой яме частенько что-то сжигалось. Девушка заплакала, потому что двое из нас туда попали! Интересно, что за жуткие зрелища приходилось видеть здесь бедняжке.

Сигзби опять рассвирепел:

— Она не замешана ни в чем плохом!

— Разве я как-то намекнул на это? — В обычно дружелюбном голосе ученого вдруг промелькнуло ехидство, но потом на губах появилась улыбка. — Если мы продолжим спорить о том, бриллиант ли перед нами и причем тут девушка, мы вцепимся друг другу в глотки. А что, если не терять время на догадки и просто исследовать это место? Мы его толком не осмотрели. Не исключено, что, кроме запертой девушкой двери, есть другие ходы и выходы. Блиken-сдерфер, ты уверен, что там действительно засов?

Джон Б. подтвердил это кивком.

— Я слышал, как она его задвигает. И толкнул дверь плечом, сэр.

— Ладно. Поищем другие двери.

Из центра внушительных размеров площадки восемь окружающих ее стен просматривались плохо. В самых высоких пальмах не было и десятка метров, но свечения «Солнечного огня» не хватало, и верхушки тонули во мгле. Низ стен плотно укрывала роскошная зелень лоз.

Товарищи проследовали по одной из мощенных дорожек, пересекавших искусственные джунгли, и обнаружили, что вокруг площадки идет тропа, проложенная между стенами и кустарником. Карманные фонарики помогли так-

же увидеть, что поверхность стен испещрена теми же гигантскими фигурами, что танцевали на барельефах, опоясывающих пирамиду снаружи.

Стены не были наклонены. Видимо, между внешней частью пирамиды и внутренней площадкой ее верха скрывалось немалое пространство. И оно могло оказаться частично полым, так как каждый проход оканчивался дверью. Как и по всей пирамиде, дверные проемы имели форму усеченного треугольника.

Но если ранее путешественники свободно входили внутрь, то теперь они видели лишь тяжелые металлические двери, сделанные из бронзы или иного похожего сплава. Девушка скрылась за дверью в юго-восточном углу. Дверь и впрямь оказалась заперта.

Осмотревая всю бегущую по краю дорожку, компания нашла еще две подобные двери: первая находилась по центру южной стены, а вторая — юго-западной. Ни одну из дверей открыть не удалось. В западной части нашлось еще больше дверей — целых восемь.

Они не только выглядели иначе, чем другие двери, но были широко распахнуты. К ним от центра площадки сквозь заросли вели восемь очень узких параллельных тропок. Зелень аркой смыкалась над дорожками, и свет «Солнечного огня» не падал на них. Но тут опять выручили карманные фонарики, быстро указав путь.

Сначала путешественники молчали. В этом открытии им чудилось нечто зловещее и неприятное.

— Восемь камер для узников! — наконец проговорил Отуй. — Восемь застенков с бронзовыми цепями и кандалами, все пустые, все приbrane и готовы принять новых пленников. Не знаю, что творится в ваших душах, парни, но лично мне кажется, нам туда не стоит торопиться. Боюсь, наши несчастные приятели-авиаторы уже не ждут ничьей помощи.

Уэлинг стоял на пороге одной из пустующих камер. Луч его фонарика метался по ней. Квадратная, два на два метра у основания; стенки, исключая заднюю, сужаются, как у обрезанной пирамиды. Задней стены просто нет, вместо

нее зияет пустота. Там спуск в темную шахту, дно которой — подножие пирамиды: Джон Б. кинул туда остатки не доеденной гуавы для проверки. Фрукт ударился о водную гладь где-то далеко внизу.

— Это для узника. Он может выбрать между жертво-приношением и самоубийством, — предположил Уэлинг.
— Развеселое mestечко, куда ни глянь. Ножные кандалы недавно использовались, тут уж не сомневайся.

Оковы крепились к тяжелому металлическому кольцу в полу массивной цепью бронзового цвета. Звеня казались частично отполированными, словно нетерпеливый пленник то и дело волочил их по камням.

— Самоубийство! — повторил Отуэй. — Объясни-ка, дорогой мой друг, как спрыгнуть в шахту, если ты прикован этими штуковинами?

— Я тут поднял одну. Если кого-нибудь такой слоновьей цепью приковать, то ему точно будет не до прыжков. А что там за треугольные дырки в дверях?

— Может, для освещения. Или, скорее, чтобы узникам еду передавать. Но где сами пленники? Почему нас сюда впустили, позволили палить в священного храмового зверя, любезно развлекли общением с... со жрицей, или кто она там такая, разрешили прыгнуть в жертвенную яму и выбраться из нее, да и вообще вести себя как дома, даже не пытаясь этому помешать?

— А если у них сегодня выходной? — подал голос Уэлинг. — Дома одна девчушка Сьюзан с песиком Фидо.

— Олкот, перестань! — В голосе эстета вновь зазвенела глубокая обида. — Из-за твоего легкомыслия от милой тайны не остается и следа...

Тут Уэлинг расхохотался, и его бурное веселье, заглушившее все возражения, эхом отскочило от древних стен.

— Как ты точно выразился — «милая тайна», Теллифер! И идиоты тут тоже милые. Стоят, беседуют. До лестницы полсотни метров. Между нами и ступенями нора адского чудища. Что, если кто-то тихонечко опять спустит его на нас, а? Нам его не пристрелить. Уже пробовали. Это все равно что пытаться застрелить радиоволну.

— Но шум и вспышки его отпугнули, — напомнил Отуэй.
— Не забывайте, беспозвоночные по природе своей еще боязливее рептилий. Этот Фидо, как ты его называешь, всего лишь жук-переросток, хоть негоже мне, натуралисту, называть губоногих жуками.

— Эй, профессор, в банку для сбора образцов его попозже запихнешь. Сейчас нас ждет северная стена. Мы ее пока не осматривали.

— Простите, сэр, — заговорил Джон Б., успевший пройти чуть дальше, за последнюю из восьми камер. Теперь он внимательно разглядывал что-то у стены. — Любопытно, зачем это здесь? Похоже на ручку — или рычаг.

Товарищи подошли поближе. Стюард обнаружил прямой и увесистый металлический прут, торчавший перпендикулярно из углубления в полу, довольно высокий, где-то по грудь.

— Это переключатель, — без тени улыбки предположил Уэлинг. — Электрический. Поверни его и — опля! — «брилиант» ТНТ гаснет, как лампочка!

В задумчивом взгляде Теллифера вновь мелькнула ярость.

— Это вертикальный рычаг, — сказал он, — чтобы что-то двигать. Хотя я не претендую на обладание практической сметкой некоторых здесь присутствующих, но и стоять на месте, высмеивая друзей, я не намерен, тем паче разрешить такую несложную загадку легко и просто.

— ТНТ! Прости! *Не надо!*

Но Теллифер уже держался за вертикальный стержень. Он схватил его у самого верха и навалился всем своим весом. Рычаг поддался, покачнулся над пазом, и его конец описал в воздухе дугу. Если раньше он стоял перпендикулярно полу, то теперь наклонился, образуя острый угол.

— Господи! Он это сделал! Что теперь будет?

Глаза репортера, как и прочих, нервно забегали, обшаривая стены и центральную площадку. Но зря они так переживали из-за опрометчивого поступка Теллифера. Все оставалось прежним, нажатие на рычаг не произвело никакого эффекта.

По-настоящему это огорчило только ТНТ.

— Старый, противный, раздолбанный механизм! — проромтотал он. И отпустил прут.

Будто обидевшись на уничтожительное замечание Теллифера, рычаг вернулся в прежнее вертикальное положение с такой скоростью и силой, что экспериментатор плашмя шлепнулся на пол. Действие сопровождалось тяжелым глухим скрежетом, заставившим плиты под ногами дрожать.

— Звук с центральной площадки! Зуб даю, это он свой алмаз разбил! — закричал Сигзби.

— Чепуха! Тут все еще светло. — Уэлинг бросился бежать по ближайшей тропке. Затем вернулся и подошел к так и не вставшему с земли другу.

— Не поранился? — спросил он.

— Ничего страшного, только сломал руку и пару ребер да плечо вывихнул. Как жутко загрохотало! Олкот, не говори, что я и вправду «Солнечный»... «Солнечный огонь» разбил!

— Конечно, нет. Твой бриллиант сияет ярче витрин «Тиффани».

— Эй, Уэлинг! Не хочешь еще раз за рычаг дернуть? — Это Отэй прокричал им из центра, куда он, не дожидаюсь ТНТ с репортером, побежал вместе с Сигзби и стюардом. Убедившись, что повреждения Теллифера не мешают тому встать, Уэлинг взялся за рычаг.

Прут поддался довольно легко. Через секунду вновь раздался голос Отэя:

— Все в порядке! А теперь плавно поднимай рычаг!

Уэлинг подчинился. Если сильно не давить, прут плавно возвращался в прежнее положение. В этот раз ничего не загремело. Уэлинг увидел, что Теллифер уже ушел, и последовал за ним.

Дойдя до площадки, он обнаружил, что все четверо, столпившись у опор «Солнечного огня», разглядывают что-то в яме.

— Рычаг раздвигает чашу, — пояснил Отэй, — теперь мы знаем, куда исчезают останки жертв. Он приводит в действие очистную систему!

Уэлинг выбрал безопасный маршрут по плитам и присоединился к компании. На одной стороне огромной каменной чаши он заметил трещину, пробегавшую тонкой змейкой практически от дна до верха .

— Не понял. — Уэлинг нахмурился.

— Сейчас покажу, сэр.

Услужливый Джон Б. помчался к бронзовому рычагу. Минуту спустя Уэлинг наблюдал, как казавшаяся целой огромная чаша в яме затряслась, дернулась и начала медленно разъезжаться в стороны. Она продолжала раздвигаться, словно вращаясь вокруг невидимой оси. Через несколько секунд корреспондент смотрел уже не в измазанную сажей яму, а на выступающую на три человеческих роста полусферу из огненно-красного камня, поднявшуюся чуть ли не до нижних граней «Солнечного огня».

— Блиkenсдерфер, теперь осторожно ее опускай! — крикнул Отуэй. — Как бы толчка опять не было, — пояснил он. — Когда Теллифер в первый раз с размаху отпустил рычаг, плиты вокруг не поломались, колонны остались целы. А вот сама чаша слегка треснула.

У Уэллинга перехватило дыхание.

— Ты... ты намекаешь, что я поднял этот многотонный камень легким нажатием на рычаг?

— Глаза тебя не обманывают, — заверил Отуэй, когда вращающаяся громадина свободно вернулась на место. Перед ними опять зияла черная от сажи яма. — Древние строители знали толк в рычагах. Как иначе гигантские камни этой пирамиды переправили через озеро и установили на место? Чаша крепится по краям, подобно плавильному тигелю, прутьями, проходящими под плитами пола. Кстати, если плиты приподнять, — тут ученый с интересом поглядел на пространство между ямой и западной стеной, — то механизм, приводящий все это в действие, немало удивит наших современных инженеров.

— Но для чего это сделано? — продолжал недоумевать Уэлинг.

— Ты же сам видел черные глубины под чашей. Наверное, те, кто это строил, питали некоторое необъяснимое

предубеждение, запрещающее касаться обгорелых останков жертв. Как я уже говорил, рычаг приводит в действие очистную систему.

— Какое... святотатство! — буркнул Теллифер.

— Не спорю, с нашей точки зрения, это не очень уважительный способ обращения с человеческими останками. Но если вспомнить религиозный каннибализм множества примитивных племен, то здесь мы столкнулись не с самым вопиющим случаем.

— Ты не так меня понял. — Теллифер бросил полный отчаяния взгляд на сияющую глыбу над ямой. — Я имел в виду, что оскорблять чудо красоты агонией человеческого жертвоприношения и уродством трупов — это ужасающее кощунство!

— Тоже позиция, — ухмыльнулся Отуэй.

— *Опять* разговоры! Человеческие жертвы! Мы тут стоим и болтаем, кандидаты на смерть, прямо сами напрещиваемся. Рассерженная жрица отправилась за варварской ордой. Еще можно стрелять сверху. Так смертельные ловушки и готовят. Но разве нас это озабочило? Как бы не так! Мы лучше поговорим!

— Простите, мистер Уэлинг, но барышня вернулась, и никаких варварских орд с ней нет.

Джон Б. стоял рядом, в его голосе звучал мягкий упрек.

— Кажется, она девушка по-настоящему чуткая и приятная. Насколько я понял, она заметила, что мистер Сигзби и мистер Теллифер перепачкались в саже, и поэтому взяла на себя труд принести воды и полотенца, чтобы смыть грязь!

Глава 6

БРАЗИЛЬСКОЕ ВИНО

Заявление стюарда оказалось правдивым, хотя и не отличалось полнотой. Пока гости развлекали себя осмотром окрестностей, хозяйка, должно быть, тихо уходила и возвращалась — не единожды.

Друзья увидели, что она ожидает их возле целого набора предметов, которые, при ее нежно телосложении, вряд ли бы получилось донести все разом.

Рядом с ней стоял большой расписной глиняный кувшин с водой. Прямо на нем лежала аккуратная стопка свежих полотенец, сотканных, если приглядеться, из мягких желтоватых волокон, вероятно, пальмовых, благо полезных сортов этого растения множество. Возле кувшина притулился сосуд помельче, но того же типа, а вокруг него расположились полдюжины чашек без ручек или стаканчиков, вырезанных из гладкой желтой древесины и тщательно отполированных. Были вдобавок и другие подношения.

Уэлинг вновь снял шляпу и пробежался пальцами по волосам.

— Это зачем? — Он обвел дары рукой. — Ладно, полотенца с водой. Сигу и ТНТ они, безусловно, понадобятся. Праздничная посуда. В чашках, очевидно, нужно пальцы ополоскивать, хотя вряд ли. Тоже неплохо. Лично я не решился бы употреблять алкоголь от неизвестного бутлегера. И что это за витрина скорняка? Она хочет, чтобы мы примерили национальные костюмы?

Отуэй поднял самую большую из пяти шкур, бережно разложенных в ряд на полу.

— Уэлинг, эта твоя, — хмыкнул он. — Зверь, щеголявший в ней, явно был лордом среди ягуаров. А вот золотые зажимы, чтобы шкуру на плечах закрепить. И пояс из цепочки. Не желаешь пройти в одну из тех восьми удобных примерочных и переодеться? Если нам понравится, то и мы...

— Подай пример первым! Я не пещерный человек. Что ей от нас нужно?

— Она пытается вбить в наши тупые головы, что в этом месте нам хотят только добра! — сказал Сигзби, почтительно позволивший хозяйке полить ему на руки воды и теперь, столь же почтительно, вытиравший их пальмовым полотенцем.

Словно наконец устав держать тяжелый кувшин, девушка передала его стюарду. Теллифер, бросив гневный взгляд на посмевшего опередить его товарища, также приступил к омовению.

— Опыт пребывания среди чуждых племен подсказывает мне, — произнес Отуэй, — что всегда стоит принимать любые знаки гостеприимства. Забудьте про нехорошие предчувствия, ни в коем случае нельзя их выдавать. Это простое правило не раз помогало мне сохранить жизнь и свободу в ситуациях, где другим отнюдь не везло. Мало ли что мы подозреваем: девушка не должна почувствовать нашу враждебность. Мы не нападаем и не грубим. Кто знает? Если мы продолжим так держаться, то, возможно, убедим в нашем дружественном расположении не только ее саму, но и всех ее соплеменников. Я уже не раз проделывал подобное.

— Она на удивление мила. — Уэлинг сдался и взял протянутую ему гладкую желтую чашку. — Думаете, стоит рискнуть и выпить эту... бордовую жидкость?

Естествоиспытатель осторожно отпил спиртное, изящно налитое ему хозяйкой из кувшина с вином.

— Да это бразильское вино, — объявил он. — Ничего страшного, если не злоупотреблять. Смотрите, она и себе наливают! Думаю, нам лучше выпить, а потом дать ей понять, что мы бы хотели встретиться с ее соплеменниками.

— Разумная девица, — одобрил Уэлинг. — Костюмы пещерных людей. Славный подарочек. Но силой их на нас никто не надевает. Детка неплохо воспитана. Откуда только она тут взялась такая!

— Действительно, — согласился ученый. — Поедем домой, я ее с собой прихвачу.

Репутация Отуэя слыла безупречной. Будучи главой экспедиции, он с полным правом использовал «я», объявив о намерении спасти белокожую девушку. Однако четверых компаний его слова, кажется, покоробили. На него внезапно воззрились восемь недовольных глаз. Сигзби вроде бы даже прошептал себе под нос: «Ну не наглость ли?..»

Однако Отуэй не обратил на все это внимания. Как и остальные, он не преминул осушить свою чашу красного вина. Хотя он утверждал, что такое вино крепким не бывает, загар на его лице с невероятной быстротой стал багровым. Невозмутимые серые глаза за стеклами очков странно засверкали. Его слегка покачивало. Он неуверенно шагнул в сторону девушки, лишь пригубившей содержимое чашки.

— Точно! — пьяно добавил он. — Как же я не понял раньше. Эту девушку я... ждал... всю жизнь! И только поэтому никогда не женился. Ее искал. Увозим девушку сейчас же!

— Не выйдет!

Мощная рука Уэйнга вцепилась в плечо натуралиста и потянула его назад.

— Правильно, Олкот, — одобрил Теллифер. — Да он и половину ее крас-ты не оценит. А я оценю! Об-жаю такое. Девочка, красотка... брилльянтик... миленько тут... славное пр-ключен-це...

И, будто поклоняясь всеобъемлющей красоте вокруг, Теллифер опустился на колени, а затем уютно положил голову на одну из шкур.

А Уэйнг обнаружил, что более не сдерживает Отуэя, а просто не дает тому упасть. Осознав это, он не двинулся, когда тело ученого безвольно рухнуло на пол.

Что-то явно пошло совсем не так. Уэйнг принял яростно тереть веки. На секунду его взгляд прояснился. Перед ним стояла девушка. И смотрела рассветно-синими глазами прямо ему в лицо. И в них сияли крупные слезы! Вся она была воплощением печали, лишающего сил отчаяния. Золотистая чашка выпала из ее ладони. По полу растеклась пурпурная лужа, подбираясь к босым белым ножкам.

Глава 7

СТАРУХА

Уэлинг понял, что тоже упал на пол и не может подняться.

А над ним нависло... лицо. Вокруг лица призрачно сияет венец из подобных звездам белых бриллиантов. Фигура укутана в пятнистую шкуру ягуара, скрепленную на плечах изящными золотыми цепочками.

Но это лицо! Старое, морщинистое, изможденное, жидкые седые космы в беспорядке, глаза наводят ужас, ибо несчетную череду лет взирали на леденящую кровь жестокость, из беззубого рта вырывается кошмарный хохот. Ведьмовское лицо, лицо настоящей злой колдуньи, протянувшей иссохшую, схожую с птичьей лапой руку к его горлу! Тут видение рассеялось. Уэлинг погрузился в спасительное забытье.

Глава 8

«ТАТА КВАРАХИ»

Уэлинг оказался последним поддавшимся невероятному по силе воздействию «безопасного бразильского вина» и стал первым пришедшим в себя. После нескольких минут пребывания в замутненном сознании он наконец довольно ясно представил себе случившееся.

В какой-то мере он совершенно не удивился. Дело сделано, и корреспондент с пугающей четкостью понял, что беды было не миновать с той секунды, когда пятеро болванов, не обращая внимания на очевидные признаки, доверились паре рассветно-синих глаз.

Поначалу он даже не чувствовал уверенности в том, что еще кто-то из тех болванов выжил. Но остальные, один за другим, начали пробуждаться и отвечать на язвительные вопросы репортера, и он смог убедиться в неизменности чи-сла компаний.

Их голоса, однако, доносились до него сквозь толщу стен. И сопровождались бряцаньем тяжелых бронзовых цепей, навевающим подходящие к ситуации мрачные мысли.

Через треугольное окошко камеры Уэлинг видел узкую дорожку, ведущую через кусты на центральную площадку. Призрачное сияние «Солнечного огня» сменилось дневным светом — и день выдался дождливым. Через открытый верх пирамиды врывались ливневые потоки, колотя по пальмовым листьям. Репортер видел уголок «Солнечного огня», обратившегося в радужный бурлящий водопад. Холодные брызги, подобно крошечным разведчикам, проникали в щели под запертymi дверьми пяти тюремных камер — более не пустующих.

— Милое местечко! — простонал Уэлинг. — Ох, какое милое! Друзья и прочие скорбящие, вино оказалось не молодым. Оно было древнее древнего. Нокаутирующие капельки. И мы их проглотили! Что-что? Нет же, Отуэй. Ты тут ни при чем. Я упал — ты упал — мы упали. Нам бы всем

по надзирателю. Но похоже, уж один-то у нас появился. И это вовсе не синеглазая детка Сьюзан. Она свое отработала. Такая благовоспитанная! Никого в шкуры силком не наряжала. Ох ты ж! Я тут единственный пещерный человек? Или все переодеты?

По ряду пронесся ответ, что варварскую моду навязали не только корреспонденту. Ни на одном из пятерых не оказалось ни единой нитки цивилизованного платья, никакого оружия и ни одного предмета из тех, что они принесли с собой на пирамиду. Взамен отобранного каждый получил по опрятной камере, красивой черной шкуре с золотой отделкой, по цепи, способной, по выражению Уэринга, удержать слона, а также по угасающему лучику надежды выбраться отсюда живыми.

Затем журналист рассказал друзьям, как, теряя сознание, увидел нависшее над собой пугающее лицо. Все согласились, что ему выпала честь встретиться с женщиной из «племени», населяющего пирамиду. В то же время, никто не смог объяснить, отчего сие «племя» оставляло пришвартованные внизу лодки гнить годами. Или почему они все, кроме девушки, оказались столь застенчивыми, что предпочли не показываться.

Шум ливня наконец смолк. На центральную площадку заглянуло солнце. Но не раздавалось никаких звуков, свидетельствующих о жизни в пирамиде, как будто наша пятерка была прикована к пустому зданию посреди незаселенной земли.

Необычность их положения, сопровождаемая воспоминаниями о собственной глупости, повергла всех в уныние. К тому же в камерах, несмотря на палящее снаружи солнце, царил холод. Из открытых шахт сзади тянуло промозглой сыростью. Под двери успело проникнуть приличное количество дождевой воды.

Шкуры хранили тепло, но, с точки зрения привыкших к комфорту цивилизации узников, его было недостаточно. Босые ноги ерзали по ледяному полу. То и дело кто-нибудь чихал. В последний раз компания перекусывала фруктами вчера в середине дня. Сдобренное наркотиками спиртное

напоминало о себе мучительной жаждой. Узникам не принесли ни еды, ни воды.

Миновал полдень, о чём говорили короткие тени и ослепляющее сияние солнца. Но к ним так никто и не пришёл.

Лучше всего площадка просматривалась из камеры Теллифера. Солнце достигло зенита, и поугасший было задор эстета явил себя вновь. Сверкающая глыба Тата Кварахи — «Солнечного огня» — завораживала и в ночное время, но в лучах дневного светила название, данное кристаллу индейцем Петро, обрело новый смысл. Теллифер исчерпал свой лексикон, пытаясь воздать должное его радужному великолепию. В конце концов эстет впал в состояние немого восторга, а товарищи предпочли не приводить его в чувство. Их более практичные умы потеряли интерес к камню. Не важно, бриллиант ли это, черная от сажи яма виделась более насущной проблемой.

Теперь солнечные лучи падали почти вертикально. Центральная площадка превратилась в ошеломляющую круговорть разноцветных отражений. В окошки в дверях камер, будто из раскаленного горнила, волнами врывалась жара вперемешку со струйками белого пара. Вдруг что-то тихо засвистело.

Затем звук сделался громче. Огромные клубы испарений от мокрой площадки поднимались вверх, приглушая яркое сияние «Солнечного огня». В яме под ним, пузырясь, кипела вода, как в чудовищном котле.

При всей своей кажущейся непрактичности, Теллифер первым раскусил простую динамику происходящего.

— Это меня пугает, — сказал он. — Я и вчера ночью испугался, когда впервые осознал, как по-варварски искалечена сия дивная красота. Камень чуть ли не пополам распилили, ведь его восьмигранная сторона изначально была, вероятно, вдвое больше. Но нижнюю часть обрушили без жалости, а поверхность отшлифовали и отполировали. Огранка едва-едва поднимается выше боков. Верх — простой ка-башон, отполированный, но не ограненный. Негодяи! — Голос Теллифера задрожал от сдерживаемых чувств. — Без-

душные вандалы! Кем бы ни были эти изверги, они отпилили часть самого чудесного алмаза на земле, лишь бы приспособить его для утилитарных целей! «Солнечный огонь» — это огромная линза, зажигательное стекло. Сейчас в яме выкипит собравшаяся после дождя вода. Все просохнет, чаша раскалится докрасна... добела... кто знает, как сильно палит это проклятое солнце? Все это означает... означает...

— Смерть тем, кто угодил в яму, — спокойно объявил Отуэй. — Если там оказался несчастный, то в разгар любого дня можно совершать жертвоприношение, лишь бы небо было безоблачным. Эй, парень, — голос ученого вдруг утешал всю бодрость духа, — ты меня неправильно понял! Пока человек дышит, шанс на спасение есть. Соберись!

— Ты просто ничего не понимаешь! Отстань! — В камере Теллифера тяжело зазвенели цепи, будто кто-то в отчаянии опустился на пол. — Не понимаешь! — Послышались всхлипывания. — Шансов нет! Или один на миллион, а то и меньшее. И тревожит меня вовсе не перспектива умереть в яме, а... Впрочем, говорю тебе, забудь! Не хочу об этом. Это слишком постыдно... слишком ужасно! Отстань!

Все дальнейшие расспросы были встречены ледяным молчанием из центральной камеры, и наконец от Теллифера «отстали». Истериический припадок одного из путешественников ничуть не улучшил настроения остальных. Однако всем начало внезапно казаться, что если бы Теллифер действительно предвидел еще более позорную и жуткую участь, чем свариться заживо под огромной линзой, он бы рассказал об этом, хотя бы подготовив товарищем к предстоящему.

Медленно тянулось время, напоминая о себе лишь удлиняющимися тенями и уже не столь ослепительным сиянием. Неожиданно сгостились сумерки. Недалеко, на восьми розовых колоннах, радужное великолепие «Солнечного огня» неспешно сменилось призрачным ночным свечением.

В камерах четверо из пленников достигли той степени физического и эмоционального страдания, когда, будучи человеком подобного им склада, начинаешь безудержно болтать и шутить. Шутки были не особенно веселы, что уж тут

поделать, да и голоса шутников отличались болезненной надрывностью и хрипотцой. Правда, любая из попыток посмеяться вызывала искренний и благодарный отклик. Лишь Теллифер продолжал молчать.

Прошел час после заката. В пирамиде по-прежнему, как и с самого их пробуждения, царила тишина. Спутникам уже начала мерещиться смерть от холода и одиночества, способная потягаться с весьма вероятной участью сгореть в жертвенном огне, когда наконец долгое ожидание завершилось и к ним пришли.

Глава 9

НЕЖЕЛАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

В тесных застенках на холодных и мокрых камнях было одинаково неудобно сидеть, лежать или стоять.

Тяжелые бронзовые кандалы сдирали кожу с лодыжек в любом положении, а ноющие кости то и дело заставляли ерзать. Так вышло, что в момент появления их тюремщика стоял в полный рост один только Сигзби.

Никто не слышал, как к камерам подошли. Четверо товарищей, бряцая цепями, вскочили и бросились к оконцам лишь тогда, когда юноша хрюплю вскрикнул.

В единственном восклицании несчастного прозвучал упрек обманувшему доверие человеку, негодующее удивление при виде бесстыдно заявившегося к ним предателя и едва ли не подростковая радость бросить тому в глаза яростное «Вы!», сразу подсказавшее остальным, что Сигзби вновь лицезрит их вчерашнюю «блаженную деву».

Треугольные окошечки были слишком малы и не позволяли узникам высунуть голову наружу. Как бы ни хотелось посмотреть на девушку собственными глазами, им пришлось довольствоваться отчетом Сигзби. Из камер понесся ураган раздраженных вопросов. Сигзби попытался всех перекричать.

— Эй, друзья, перестаньте! Вы ее пугаете. Ну вот, я же говорил. Она опять расплакалась. Сейчас уйдет. Нет, все в порядке. Она что-то передает мне в окошко. *Храбрая девочка!* А теперь слушайте. Что бы вы там ни думали, она не виновата в произошедшем с нами.

— Да ладно! — простонал самый грубый из кричащих голосов. — Он опять попался! Сиг, проснись. Она наливалась нам сонные капельки собственными ручками. *Мое сердце ее слезы больше не тронут. Она одна?*

— Да, одна. Слушай, Уэлинг. Она направляется к тебе. Начнешь ей досаждать, я... я тебя предупредил.

— Что ты сделаешь? Башкой стенку пробьешь? А вот и Сьюзан!

Нарочитая резкость голоса сменилась звериным рыком, какой могла бы издать пантера, некогда носившая шкуру Уэрина. В его зоне видимости показалась согнувшаяся под тяжестью плетеной корзины прекрасная предательница.

Тут действительно было из-за чего злиться. А нежелание Сигзби осуждать девушку выглядело простой слабостью. Однако, руководствуясь то ли боязнью рассердить или напугать источник материальных благ, то ли по каким иным соображениям, репортер оставил свой праведный гнев при себе. Было слышно, как он бормочет что-то про «проклятое манго», а потом чуть мягче: «Ага, бананы — лучше, чем ничего!» — и наконец: «Слава Богу, воду принесла». После этого стройная разносчица еды волоком потащила корзину к следующей камере.

Узники могли видеть девушку только тогда, когда она вплотную подходила к их двери. Вскоре она справилась со своей миссией и, бросив корзину, отошла подальше, чтобы на ее смотрели все разом.

Жрица остановилась в конце дорожки, ведущей к камере Теллифера. Друзья увидели, как ее силуэт на секунду застыл в бледном сиянии «Солнечного огня»: голова опущена, плечи поникли. Как и ранее, она не произнесла ни слова, одним своим видом показывая, как глубоко и горько сожалеет. Потом она побрела прочь.

Тремя минутами позже Теллифер прервал несвойственное ему молчание, хотя с полудня твердо соблюдал этот обет.

— В яму глядит, — мрачно заметил он. — На колени у колонны упала. И рыдает, благо поводов горевать у нее много! За спиной врагов человечества, коим она прислуживает, воистину чудовищные преступления.

— Пускай поплачет! — Девушка ушла с глаз долой, и в Уэрине пробудилась былая мстительность. — Дрянь. Вот кто эта Сьюзан. Мы тут не первые. Сразу видно! Лодки... самолет. А вам, голодающим, сидеть на фруктах и воде. Чудовищные преступления, тут ты, ТНТ, не ошибся!

Эстет глубоко вздохнул.

— Те преступления, о которых ты говоришь, пустяки в сравнении с ужасом, что, не сомневаюсь, творился в этом месте. Но ни слова более! Предмет слишком пугающий. Я-то обычно витаю в облаках, но неужели никто из вас не посчитал великой странностью, что, за исключением ста-рухи, о которой нам говорил Уэлинг, мы, кроме девицы, никого тут не видели?

— Ага, ты наконец проснулся? Как будто мы весь день говорим о чем-то другом.

— Разве, Олкот? Значит, пропустил мимо ушей. Думал о... Но опять же, забудем. И к какому выводу вы пришли?

— Ни к какому, мистер Теллифер, — мрачно ответил Отуэй. — Так и не смогли это объяснить. Лично я убежден, что объяснения в принципе не существует. Но, конечно же, кто-нибудь из нас дотянет до раскрытия правды. Тут главное жить и надеяться — да, жизнь и надежда! Когда факты подтверждаются, сомнения развеются. Возможно, будут разные теории, но неопределенность исчезнет! Иначе и быть не может. Ох, Уэлинг! Статью-то напишешь?

— Для воскресного приложения, — небрежно уронил корреспондент. — Журналы с таким связываться не станут. Любопытно, сколько нам здесь еще сидеть! Наверняка до утра тут пробудем. Щеголи в шкурах! Торжественный прием состоится в полдень. Как там Сьюзан? Все ревет?

Последний вопрос был задан Теллиферу, но ответ на него поступил из иного источника. Невдалеке, на тихой доселе центральной площадке, зазвучала мелодия. Ту же музыку путешественники слышали, когда поднимались на пирамиду. Все пятеро, напряженно затаив дыхание, застыли на бесконечно длинную минуту.

Однако теперь у них была другая причина прислушиваться. Тогда музыка их удивила, и им мучительно хотелось узнать, кто выводил тот монотонный ритм на перекликающихся флейтах. Сейчас их интересовало не это. Они точно знали, кто играет, на чем и с какой необыкновенной целью. Все они с неожиданной благодарностью посмотрели на толстые, прочные, бронзовые, крепко запертые две-

ри камер с маленькими оконцами.

— Сьюзан пора за дело! — наконец выдохнул Уэлинг. — Фидо возвращается. Я его вижу. Она не испугалась? Наша смелая синеглазка! Боженьки ты мой! Сколько там его приползло?

— Вся... антериальная... передняя миля, а может, больше. Вот он, Фидо — пришел, чтобы я им полюбовался, — сказал Отуэй. — Эх, очки-то у меня отобрали, но я и без них вижу, что его цефалон, то бишь головной щит, отлично развит. Да он размером с бочку. А его токсикогнаты, они же ногочелюсти с ядовитой железой... Ой, мамочки! Нет, все нормально. На мгновение мне примерещилось, что Фидо повернулся ко мне на тропку. А это он всего лишь многоногий пируэт изобразил. Кажется, ритуальный танец проходит здесь каждый вечер и не имеет отношения к дневному жертвоприношению. Похоже, нас припасли, как бы это сказать, на какой-то особый день или случай. Пока в пирамиде нет никого, кроме жрицы, нам опасаться нечего.

— Говори за себя! — посеребренев, прервал его Уэлинг.
— Она ведет его... она ведет его по моей тропинке!

Монотонный напев флейты Пана действительно зазвучал гораздо ближе. Еще секунда, и не только Уэлинг смог убедиться в том, что паре танцоров не понравилось творить свое искусство в отдалении от публики.

Камеры отделяя от растительности проход шириной где-то в три метра. Такая тесная сцена выглядела откровенно недостаточной для изящных извивов и прочих выкрутасов сколопендры хоррибилис. Как истинного артиста, Фидо она не заинтересовала. Девушка, грациозно покачиваясь в такт наигрываемой ей мелодии, развернулась и пошла по тропинке обратно к центральной площади, а священное чудовище — или его часть — просто последовало за ней.

Узники наблюдали, как ужасающий спутник жрицы мелькает в свете проходов к камерам.

Голова с огромными, словно слепыми желтыми глазищами, разверстой пастью и пугающими своими размерами ядовитыми клыками вплотную нависала над сияющей короной в золотисто-рыжих волосах красавицы. Казалось, что

длинные когти вот-вот сомкнутся на хрупких плечах. Но девушка ни разу не оглянулась и не взглянула вверх. Она даже не пыталась избежать столкновения со Смертью во плоти на поворотах.

Смерть, в свою очередь, уважительно уклонялась, обра- зуя живую когтистую петлю, и продолжала свой путь следом. Тень сменялась светом, девушка шла до тех пор, пока вновь не очутилась у камеры журналиста.

Оставшейся четверке ее не было видно. Вернувшись, она шла вплотную к камерам. Раздался грохот, как будто подняли тяжелый засов. В камере хрюплю вскрикнули. Что-то опять загремело, будто по каменному полу поволокли нечто металлическое. Друзья вновь увидели жрицу: она продолжала играть, держа флейту одной рукой. Второй она плавно покачивала в воздухе.

— Пока, парни! — с отчаянием произнес корреспондент.
— Чертова Иезавель⁶! Она мою дверь открыла. И дала ключ от проклятущих кандалов! Приглашает меня выйти! Госпо-ди, я не пойду! В камере шахта. Я прыгну! Только вот оковы сниму.

Грубо сделанный ключ заскрежетал в громоздком замке, зазвенели быстро сброшенные цепи.

— Уэлинг! — Голос Отуэя из соседней камеры звучал спокойно и твердо. — Не прыгай! Делай то, что ей нужно. Помни, жертвы тут приносят солнцу. Если бы она хотела скормить нас сегодня чудовищу, то не стала бы потчевать фруктами! Это часть предварительной церемонии. К тому же теперь у тебя руки с ногами свободны. Подчиняйся ей и выжидай. Вдруг ты сможешь всех нас спасти.

Повисло молчание, затем корреспондент ответил:
— Ты прав, Отуэй. Походим на задних лапках. Рад, что ты это сказал. Я... я выйду. Эй, ты там! Видишь, я иду? Да- вай же, играй!

Девушка, будто устав ждать, убрала флейту Пана от губ. Чудовище за ее спиной тотчас прекратило раскачиваться. Голова, сухо и зловеще клацнув алчными жвалами, взмы-.

⁶ Иезавель — библейский персонаж, богоотступница.

ла выше. И опустилась опять, плавно минуя девушку и слишком очевидно нацеливаясь на проход в открытую камеру.

Увидев, что пленник повинуется, жрица заиграла опять. Грозная голова тут же вернулась в прежнее положение.

Освобожденный журналист угрюмо глядел на парочку. Надо же, девчушка, которую он одной левой поднять может, теперь его повелительница. Попробуешь ей противоречить или сделаешь что-то не то — умрешь. Чтобы умертвить рослого, сильного Олкота Уэринга, ей надо всего-навсего оторвать от губ золотую дудочку.

В рассветно-синих глазах по-прежнему таилась мягкая печаль. Но сейчас даже Сигзби не посмел бы посоветовать доверять этим глазам, послушно исполняя все приказы.

Ее следующее указание было подобно первому. Она снова грациозно взмахнула изящной ручкой.

— Отуэй, она и тебя выбрала, — объяснил журналист. — Я должен открыть твою дверь. Надо? Решай сам.

Ученый не утерял твердости духа и сразу дал согласие. Тем же ключом, что и оковы Уэринга, были разомкнуты бронзовые кандалы Отуэя, и он вышел вслед за репортером.

— Знаешь, — тихо сказал он, — у меня очки отобрали, и теперь я ничего дальше двух-трех метров не вижу. Надеюсь, случайно на Фидо не наступлю!

— Не шевелись! — сквозь зубы проговорил Уэринг. — Эта тварь тут повсюду. Что ей теперь нужно? А-а, понял... Сиг, твоя богиня тебя призывает!

— Я уверен, она собирается всех нас выпустить, — не впадая в уныние, предположил ученый. — В таком случае у кого-нибудь из пятерых появится шанс спастись.

— Конечно! Молодец, продолжай в том же духе.

В их ситуации представить настоящую смертельную опасность было гораздо проще, чем вообразить, каким образом судьба предоставит им долгожданный шанс.

Вдобавок, способ мышления «Фидо» оказался столь же ненормальным, что и его внешний вид. Поначалу друзья подумали, что чудовище реагирует на музыку примерно так

же, как змеи извиваются перед заклинателем. Но его поведение перед камерами говорило как о дрессировке, так и об интеллекте. Сколопендра хоррибилис не танцевала. Она ждала — ждала указаний хозяйки.

И это, вкупе с ужасающей силой животного, внушало ужас. Молниеносный прыжок — и не только пятеро друзей, но добрая дюжина жертв окажутся меж ее вооруженных когтями колец, по сравнению с которыми хватка питона лишь детская забава. Огромные ядовитые ногочелюсти, оснащающие ее передний сегмент, были даже излишними.

Джона Б. выпустили последним. Когда все узники вышли из камер, девушка указала на одну из тропинок.

Сопровождаемые своими необыкновенными тюремщиками, пятеро путешественников покорно отправились на центральную площадку.

Глава 10

ТАНЕЦ

То, что произошло в следующие полчаса, стало таким невероятным экскурсом в гротеск, что потрясло даже успевших ознакомиться с обычаями пирамиды узников.

Оказалось, что их позвали принять участие в церемониальном танце, прерванном накануне вечером.

Стоило девушке вывести их на площадку, как она совершенно перестала их замечать. Пока легкие ножки несли ее по священному кругу, она словно растворилась в экстазе музыки и ритмических движений. Но ее жуткий подручный ни на секунду не оставлял пленников без внимания.

Было ясно, что существо далеко не новичок в этом деле. Конечно, никто не смог бы определить его возраст. Но все понимали, что ушли годы, десятилетия, а то и века, чтобы вырастить и вышколить этого чудовищного адепта культа. Тусклые желтые глазищи сколопендры действительно могли быть слепыми, ибо она являлась ночным созданием. Если так, то иные, более таинственные чувства, как это бывает у подобных тварей, заменяли ей зрение. Похожие на кнуты усики находились в постоянном напряжении. Существо отличалось разумностью, но отвечал за нее не мозг, как у позвоночных, а длинное тело целиком.

Танцуя, девушка даже не пыталась избегать колец. Они сами уклонялись от нее. Движения изящных ножек были недостаточно быстры, чтобы на них наступить. Однако с невольными участниками обряда чудовище не церемонилось.

Простая царапина, нанесенная одним из несметного числа острых, как кинжалы, когтей, могла обернуться серьезной раной; мало того, когти вполне могли нести в себе инфекцию. Угрожая ими, сколопендра с удивительным мастерством заставила пленников войти в круг для танца.

Лестница стала благословенным, но недостижимым путем к спасению. Как только кто-либо делал движение по

направлению к ней, перед смельчаком вставал барьер из когтистых сегментов. Руки и ноги путешественников были обнажены, и никто не решился на такое сумасбродство, как перепрыгнуть или наступить на кольца сколопендр, тем более что сверху нависало еще более страшное препятствие — голова с ядовитыми клыками.

Хуже всех из пятерки пришлось Отуэю. Очки исчезли, и он ничего не видел даже на близком расстоянии. Раз за разом его спасала от печальной участи рука заботливого товарища. Очутись естествоиспытатель тут в одиночестве, он вряд ли пережил бы даже один круг этого ужасающего, нелепого и внушающего отвращение танца.

Но твердый дух Отуэя помог ему первым понять всю несуразность действия. И они с Уэлингом принялись дружно вышучивать странности происходящего. Особенno высокую оценку заслужил вечно серьезный Теллифер, пытавшийся с традиционным достоинством проходить буквальные — и когтистые — «лабиринты танца». Они не могли также не отметить степенные и эффективные увертки Джона Б. Но в конкурсе на полное и искреннее одобрение шутников победил Сигзби.

До них вдруг дошло, что самый юный член экспедиции не просто старается избежать беды, как делают остальные. Он и вправду танцует, повторяя движения за грациозной жрицей и весьма преуспевая в этом. Сигзби был ловким и спортивным юношей. «Костюм пещерного человека» только подчеркивал гармоничность его телосложения и правильность пропорций. Вскоре, доведя движения до приемлемого для его самолюбия уровня, Сигзби хладнокровно покинул спутников. Воспользовавшись просветами между извилиами чудовища, он присоединился к девушке.

— Моя сестра по человеческой крови научила меня многим новым движениям, — крикнул он друзьям. — Это чума... танец естества. Шикарно! А вот... шаг... из фокстрота. Эй, парни! Я уже видел эту девушку... раньше, где-то еще! Пытаюсь... вспомнить, где... уже... с прошлой ночи. Или же она... похожа на кого-то.

— Она похожа... — Теллифер уклонился от когтей и застыл в неуклюжей позе. — Она похожа, — с усилием повторил он, — на героиню стихотворения. И ни на кого больше. «Блаженная дева»! — Он опять подпрыгнул и заговорил язвительнее. — Только где ее три лилии? И почему она... не на Небесах? И где ее... воспитание? Я бы даже простил ей звериную шкуру... не надень она на меня такую же. Я бы даже простил... непристойный танец... если бы меня тоже не заставили плясать. Я отказываюсь... от этого сравнения. Все, что у нее есть... это звезды в волосах и... глаза... но они полны обмана. Она не блаженная дева. Она...

Он попытался подобрать новое сравнение. А когда подобрал, оно показалось ему недостаточно обидным. Обычно Теллифер не прибегал к сильным оскорблением. Тем временем юный Сигзби вновь попал под чары глаз, которые старался оболгать эстет. Юноша резко остановился и сжал кулаки.

— Эй, там, быстро замолчал! — выкрикнул он.

Девушка подошла вплотную к защитнику. Словно оценив его галантность, она изогнула стан, протянула руку и нежно коснулась плеча Сигзби. Вместе с этим она убрала флейту от губ. И взмахнула ею в сторону одного из узников.

Мелькнула желтая молния, раздался и тут же оборвался крик.

Флейта вновь оказалась у губ жрицы. Гигантская желтая голова покачивалась, опять надзирая за несчастными. Но теперь их было лишь четверо!

Девушка прервала танец. Она продолжала наигрывать свою музыку, а большие печальные глаза под венцом из звезд медленно наполнялись бриллиантами слез.

Глава 11

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

— Ну и что с того, что она ревет, Сиг? Сомнений нет, она на него указала. И эта жуть столкнула несчастного ста-рину ТНТ в яму! Он сейчас там. Не может выбраться. Мы заперты здесь. До полудня самое большее тридцать минут. А крошка Иезавель, по которой ты с ума сходишь, льет над ним слезы! Какая разница, что она чувствует? Дела говорят за себя!

Этот разговор состоялся утром следующего дня. Четверо пленников, не убоявшись желтой Смерти, согласились вернуться в камеры после резко оборвавшейся вчера невероятной церемонии, только когда Теллифер лично попросил их об этом.

Он не поранился, если не считать нескольких синяков. Как заметил Уэлинг, девушка преднамеренно избрала Теллифера жертвой, указав на него своему ужасному помощнику: неудачливый эстет чуть отдалился от товарищей и очутился ближе всех к восьмиугольной яме. Огромный цефалон, то есть головной щит, чудовища с силой стенобитного орудия ударил Теллифера между плеч.

Сбитый с ног, ТНТ упал на один из предательских камней возле черной от сажи ямы. Он свалился головой вперед, но дальше просто соскользнул вниз по склоненной стороне чаши и даже не успел удивиться, когда достиг дна.

Друзья принялись взволнованно кричать, и он тут же откликнулся. Когда стало ясно, что все должны отправиться в камеры, оставив его в яме, он настоятельно попросил товарищей не сопротивляться. Они не смогут ему помочь, если их убьют на месте. Да и «Солнечный огонь» оправдает свое название через много часов, а у него за это время может появиться шанс на спасение.

Уэлинг хотел было из солидарности присоединиться к Теллиферу. Но желтое чудовище было начеку, преградив ему дорогу головой, и журналист наконец позволил увести

себя вместе с остальными. Он порывался освободить друзей из плена, и поэтому девушка с особым вниманием приследила, надежно ли он вновь заковал их в кандалы и запер двери. Под нежным взглядом полных сочувствия глаз Уэлинг закончил исполнять приказ, наложив напоследок оковы на себя и швырнув ключ жрице. Ситуация сводила с ума, но, кажется, альтернативой ей выступала гибель.

Затем чудовище скрылось в своем логове, девушка заперла бронзовую крышку, мешающую ему вернуться, и ушла.

Поначалу казалось, что оставленный без присмотра в яме узник, конечно, придумает, как выбраться оттуда и освободить друзей. Но настал рассвет, по небу медленно поплыл необыкновенный палач Теллифера, а способ все не находился. Хотя яма грозила смертью лишь в определенное время дня, одинокий эстет беспомощно трепыхался в ней, как жук на дне стакана.

Час проходил за часом, температура на площадке постепенно росла, Теллифер отказался от попыток выбраться наружу. Вскоре он перестал отвечать на вопросы и реагировать на советы, доносящиеся из камер. Оставалось лишь надеяться, что жертва уже мертвa или лежит без сознания.

Неудивительно, что стоило изящной фигурке тихо появиться в поле зрения, застыть у одной из восьми колонн и наконец опуститься там на колени, как Уэлинг принял бурно проклинать девицу со всеми ее слезами. Журналист не перестал быть и считать себя рыцарем, но вид рыдающей негодяйки, приковавшей его к каменному полу, утютившей мучительную смерть его близайшему другу, приведшей посмотреть на дело рук своих и поплакать при этом, лишил его остатков терпения.

В юном Сигзби сострадание к жертве странным образом переплеталось с сочувствием предательнице. Однако его позиция ни у кого не встретила одобрения. Отчай тоже не преминул выразить справедливое негодование:

— Она проделывает все это не по своей воле. Возможно, руководствуется вбитыми ей в голову религиозными предрассудками. Однако будь она той, кем выглядит, врожденное отвращение к пороку, хладнокровному предатель-

ству и жестокости, нашло бы выход не в одних слезах. Она белая, но позорит свою расу. Любая индианка, чувствующая по-настоящему, а не напоказ, не испугалась бы гнева сородичей на этой земле и богов вне ее пределов и поступила бы так, как ей подсказывает сердце. Сигзби, оставь надежды! В чертовой яме гибнет человек, а она и пальцем не пошевелила, чтобы его вызволить, видишь?!

— Пришла и плачет! — прорычал Уэлинг. — Слезы над ним льет! Нет чтобы глоточек водички ему протянуть. Он почти восемнадцать часов ничего не пил! Господи, Отчай...

— Спокойней, дружище. Будь уверен, ТНТ свое уже отстрадал. Велики шансы, что он уже не понимает, где он. Я знаю это солнце. Его лучи проходят сквозь линзу над ямой, воды нет — ну, бедолага, вероятно, отошел тогда, когда перестал нам отвечать, то есть часа два назад. Девица все еще там? Любопытно, как она сама такую жару выдерживает.

— Она, безусловно, необычное создание, — мрачно сказал Джон Б., — я бы затруднился ответить, что ей по плечу, а что нет, сэр. Я повидал много странных людей и мест, но таких, как она, не встречал. Сдается мне, она будет постарше этой своей многоноожки.

— Это не так! — с отчаянием вскричал молодой Сигзби.
— Она... Ох, я даже не знаю, какая она, но уверяю вас, девушка чиста! Это все чудовищная ошибка!

— Ошибка в том, что сейчас в яме умер или умирает дружище ТНТ! Ошибка в том, что девица кружит вокруг него, как... как рыдающий стервятник!

— Уэлинг, это не так! Она уже ушла... по-моему, ее там нет. Все такое слепящее, что многое не разглядишь.

— Лучи, должно быть, сфокусировались несколько минут назад, — предположил ученый. — Друзья мои, бедный Теллифер уже...

Он замолчал. Действительно, вряд ли стоило заканчивать предложение. Солнце висело посередине раскаленного неба, слишком явственно достигнув нужной высоты для исполнения убийственной задачи.

Ужаснее всех было Уэлингу, но и остальные пережива-

ли достаточно. Эстет считался эксцентричным, отличался причудами, и иногда его было сложно переносить, но он обладал крепкими нервами и мужественно шел навстречу опасностям; была в его характере странная и невинная привлекательность.

На мгновение загораживая ослепляющее сияние в окошках, мимо дверей камер с угрюмо молчащими узниками прокользнула изящная фигурка. Слева, оттуда, где находился бронзовый рычаг, раздался негромкий металлический скрежет.

Сигзби и Отуэй, чьи камеры располагались ближе к центру, смутно увидели, как под «Солнечным огнем» поднимаются круглые стенки огромного котла.

Через несколько секунд их ушей достиг тихий, но о многом говорящий всплеск упавшего в воду тела.

Глава 12

МЕСТЬ!

— Заткнись, Сиг! Мне уже все равно. Эта крошка Иезавель убила Теллифера! Женщина! Убийца... мучительница... дьяволица! Слезы! Да — крокодиловы. Это ее козырь. Даже не представляю, кто еще сюда пожалует. Может, и никто. Может, они со старой каргой, которую я видел, последние из проклятого племени. Пятьдесят ли их осталось или тысяча, избавьте меня от этого: малышка Сьюзан заправляет этой бандой! Нам всем дорога на небеса. По одному или скопом. Без разницы. Но ее мы заберем с собой! А она смысленая. Подальше от меня держится. Если б не это, я бы... Но ладно. Она опять нас освободит. Она верит, что ползучее страшилище способно ее защитить. И вот тогда... — Голос мстительного журналиста перешел в зловещий шепот. — *И тогда я ее достану!*

Опять пришла ночь, а с ней и молчаливая разносчица пищи с корзиной, полной фруктов, и кувшинчиками с водой. Как и раньше, она пришла одна, но с одним отличием. В первый раз она протягивала узникам еду, подходя вплотную, словно знала, что они ее не тронут.

Сегодня она принесла с собой еще одну корзину, поменьше. Она наполняла ее из первой перед каждой камерой и без улыбки протягивала пленнику, дожидаясь, пока тот не протянет руки из треугольного оконца; до ее рук было не достать. Корзинка опустошалась и отдавалась обратно, чтобы другой пленник тоже мог получить ужин.

Все это говорило о том, что девушка понимает, как на нее злятся. Но, кроме этого, ничего в ее манерах и поведении не поменялось. Ласковые и печальные глаза по-прежнему лучились невинностью.

Она шла вдоль дверей, но за ними царило молчание. Она никогда не показывала, понимает ли, что обращаются именно к ней. Слова были излишни. А то, насколько раз-

нились ее действия и внешняя доброта, потрясало до самой глубины сердца.

Мелькни в ее взоре насмешка, искривись уголок детских губ в коварной улыбке, и происходящее, каким бы ужасающим оно ни казалось, стало бы немного легче перенести. Но ничего не говорило о ее порочности. Кажется, она искренне им сочувствовала. Ее совесть будто оставалась чиста, хотя ей было больно видеть их в оковах и думать об их приближающейся гибели. Грустно, очень грустно, что мир столь жесток и беспощаден, а четверо сильных мужчинсходят с ума от беспомощности, отдавшись на милость хрупкой юной девы!

Уэлинг и впрямь приблизился к самой грани безумия. Всепоглощающая скорбь после страшной смерти друга наполнила его яростной ненавистью, против которой были бесполезны самые убедительные аргументы. Угрозы Уэллинга в адрес девушки не были пустым звуком!

Глава 13

УЖАСНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Прошел час, и вновь вокруг жертвенной ямы закружился причудливый церемониальный танец узников и надзирателей.

Однако между первым и вторым ритуалом ощущалось различие. Заключалось оно не только в сократившемся до четырех числе пленников, но и в том, что эти пленники двигались со странной осмотрительностью, не спуская друг с друга глаз.

Растерянно моргающему Отуэю приходилось полагаться лишь на стюарда: тот предупреждал его об опасностях и указывал путь. Молодого Сигзби больше не увлекал «танец естества». Не выдавая своих целей, они с Уэлингом молча вели дуэль атак и защиты.

Девушка еще у камер будто почувствовала угрозу и прошла мимо Уэлинга к Джону Б., переложив на него обязанность освободить себя самого и товарищей. Последний стал первым, а первый — последним, отчего в конце, когда дюжий корреспондент покинул камеру, всем своим видом говоря о недобрых намерениях, между ним и его мишенью оказались три человека.

Чуть раньше между друзьями разразилась перепалка. Смерть нависла над ними, но не помешала квартету пересориться. Уэлинг принялся беспринципно обвинять всех в предательстве, но наткнулся на холодный отпор Отуэя, чьи встречные обвинения привели к активному противостоянию. Естествоиспытатель слышать не хотел об убийстве женщины: у Уэлинга нет права лишать остальных даже малейшей возможности спастиесь этим вечером.

Корреспондент был вынужден угрюмо согласиться. Но он отказался поручиться за свое дальнейшее поведение на центральной площадке. Там, если он все же нападет на танцовщицу, его, конечно, убьют. Но пока чудовище на него

отвлечется, остальные смогут воспользоваться «призрачным шансом выжить» — и сбежать.

К компромиссу прийти не удалось, потому что в самый ответственный момент доносящаяся из флейты Пана мелодия прервалась. Все мгновенно поняли намек и поспешили вслед за девушкой к площадке. Хотя больше не было сказано ни слова, решимость Уэринга никуда не исчезла.

Танцовщица, как и прежде, двигалась так, словно рядом никого и ничего не было. Ужасающие, ни на секунду не прекращавшиеся вращения колец вокруг нее могли бы с тем же успехом быть бесплотными клубами дыма. Разгневанный, ослепленный желанием мстить великан, следивший за изящными движениями девушки налитыми кровью глазами, словно не существовал для нее.

Но молодой Сигзби не сомневался, что угроза реальна.

За двое суток, проведенных в этом месте, добродушный и хорошо воспитанный силач превратился в дикаря, одержимого одной-единственной идеей. Уэринг был вынужден беспомощно наблюдать, как в муках погибает его лучший друг. Теперь обросший щетиной и сверкающий безумным взглядом журналист, крепкий и опасный, как пещерный человек, преследовал равнодушную жертву, а Сигзби вновь и вновь предпринимал рискованные попытки заслонить ее собственным телом и не подпустить его близко к ней.

Случись мужчинам столкнуться в драке, юный яхтсмен вряд ли смог бы соперничать с Уэрингом. Несмотря на всю свою грузность, корреспондент был быстрым как молния, столь же ловким, как сама танцовщица, — и гораздо сильнее Сигзби. Однако даже секундная борьба означала бы смерть для обоих. Ни один из них не осмеливался остановиться, беспрерывно избегая мелькающих вокруг страшных когтей.

Законный спутник девушки отнюдь не пытался помочь Сигзби. Как хорошо чудовище ни было выдрессировано, ему не хватало интеллекта понять, что за странная схватка за жизнь его повелительницы разыгрывается между пленниками. Мельтешащие когти грозили смертью как защитнику, так и нападающему.

Развязка грянула как гром среди ясного неба.

На какое-то мгновение девушка застыла в одной из грациозных поз, коими она перемежала шаги. Мститель очутился примерно в трех метрах от нее. Сигзби попал в ловушку из очередного кольца, находящегося примерно на уровне колен.

Поняв, что это его шанс, Уэйн сразу приступил к действию.

Одновременно произошло несколько вещей. Некоторые частности заметил лишь один человек, остальных просто втянул в себя хаос опасной ситуации.

Уэйн прыгнул. Сигзби, хватаясь за последнюю соломинку, перескочил через когтистую петлю. В воздухе он столкнулся со своим мощным противником. Оба тяжело рухнули у самых ног девушки.

Джон Б., находившийся неподалеку, увидел, как взметнулась голова Желтой Смерти. И предсторегающе закричал. Но схватившиеся на камнях противники самозабвенно тянулись к глоткам друг друга и не обратили внимания на предупреждение. Девушка сделала шаг назад — и отодвинула флейту Пана от губ.

Это было сигналом, и Джон Б. увидел, как чудовище еще выше подняло голову. Изогнутые кинжалы ядовитых жвал широко раскрылись. Мельтешение колец прекратилось... голова зависла...

К удивлению Джона Б., она не устремилась рывком вниз, а метнулась в сторону.

Невозможно объяснить, зачем она столь стремительно ударила по ограненной стороне сияющего кристалла над ямой.

В следующую секунду всем показалось, что над площадкой разразилось желтое торнадо. Все вокруг заполнилось смазанным хаосом мелькающих сегментов.

Желтое пятно перескочило через яму и облаком колец обвилось вокруг колонн. Затем сгустилось, вновь превратившись в когтистое извивающееся создание, расположившееся непрерывно движущимся клубком у опор «Солнечного огня». Из клубка поднялась голова и принялась крутиться

из стороны в сторону, как в агонии.

Яма задрожала от монотонного звона — оглушительно-го дребезга, словно кто-то с размаху разбил хрустальный бокал невероятных размеров. Всех будто контузило взорвавшимся перед глазами белым сиянием и блеском. Потом опустилась тьма — черной, непроглядной завесой.

Мужчины на центральной площадке хрипло звали друг друга, ощупывая все вокруг в слепом поиске.

В голове не укладывалось! Чудовищное создание из когтей и яда исчезло. По крайней мере, никто больше не слышал щуршания и клацанья, сопровождавших его передвижения. Ноги осторожно ступали по полу, но опасные сегменты пропали.

Обезумев от ярости, мучительной агонии или чего-то иного, охватившего ее, сколопендря успела сбить с ног Джона Б. и ученого, а один из ее когтей зацепился за меховое одеяние Отуэя, сорвав застежки с плеч. Если не считать этих потерь, то со всеми четырьмя пленниками было все в порядке.

Уэринг и Сигзби позабыли о своей смертельной схватке. Стюард с естествоиспытателем обнаружили их держащимися за руки, как перепуганные ребятишки. Все думали лишь о том, как сбежать из этого непонятного места.

«Солнечный огонь» взорвался, ослепив их сияющим блеском. Теперь же над головами во влажном сине-черном небе мерцали огромные звезды, но их было недостаточно, чтобы пролить свет на последнюю загадку пирамиды.

Девушку, чудовище и искрящийся кристалл, то есть все, что составляло главную тайну их необыкновенного плена, будто бы одновременно стерли с лица земли. О том, что произошедшее было реальностью, говорили лишь надетые на друзьях шкуры.

Внезапно, в темноте, молодой Сигзби вцепился в руку недавнего противника.

— Смотри! — выдохнул он. — Там, вверху, на кромке! Свет, а за ним кто-то есть!

И действительно, в пятнадцати метрах над ними, у паперти, мерцал желтый огонек, освещая чью-то фигуру. Человек сидел на корточках и не глядел вниз. Плечи были опущены, голова поникла. Лицо закрыто руками. Казалось, он был охвачен неизбывным горем.

Затем фигура начала медленно вставать. Вместе с ней поднимался свет, исходивший из обыкновенной масляной лампы. Человек неспешно спускался по внутренней лестнице. Он приближался, сохраняя скорбный изгиб плеч и наклон головы.

— Ради Бога, кто это? — прошептал Уэлинг — и замолчал.

Все четверо были цивилизованными людьми, не верящими в демонов, привидений или, как принято у примитивных народов, в то, что недавно умершие не сразу обретают покой и какое-то время вполне могут передвигаться в телесной форме. Поэтому никто не испугался.

Им, отрицающим ходячих мертвецов, было удобнее думать, что мистер Терон Нарцисс Теллифер или какой-либо другой человек из плоти и крови, проведя свои последние часы без воды на дне ямы и подвергаясь по меньшей мере в течение десяти минут воздействию прошедших сквозь кристалл лучей палящего солнца, упал с высоты примерно ста пятидесяти метров в бассейн у основания пирамиды и все-таки выжил. Надо также оговорить, что Уэлинг мертвый хваткой вцепился в голое плечо Отуэя, плечо онемело, а ученый этого не заметил. И все же... друзья не собирались отступать.

Он... оно... существо, принявшее облик Теллифера, избавилось от непристойного мехового костюма и золотых побрякушек и вновь облачилось в цивильное платье. В одной руке оно держало небольшую облегченную винтовку.

Сошедши вниз, таинственное создание вскинуло понуренную голову, подняло фонарь повыше и заговорило:

— Завершена чреда ужаснейших преступлений! Олкот, я знаю, ты жив и находишься где-то здесь: я слышал, как ты чертыхаешься. Надеюсь, ты доволен! Ты не верил, что утративший ныне волшебную красоту «Солнечный огонь» —

это бриллиант. Ты ошибался. Он был бриллиантом, но теперь он, увы, лишь гора осколков и пыли! Поражающий великолепием, «Солнечный огонь» являл собой лишь необъятных размеров углеродный кристалл. Жар, вырывающийся из ямы, давным-давно уготовал ему печальную участь. Тот камень не перенес бы повторной огранки. Его было бы даже невозможно спустить с колонн. Одна разнесчастная пуля из моей винтовки, ударившись о его бок, превратила это чудо в облако сияющей пыли! Друзья мои, вчера я уже не сомневался, что «Солнечный огонь» обречен. Но довершить ужасный труд невежественных вандалов собственной рукой! Мне жаль... так жаль, что я не вернулся в Нью-Йорк на лайнере из Пара⁷, как мне хотелось!

Пока звучала эта речь, никто не пытался прервать ее печальный ход. Видение умолкло, Уэриング набрал в грудь воздух.

— Да это же, — воскликнул он, — это же Теллифер! Черт тебя подери, ТНТ! Столько времени прошло... да ты и побриться не забыл! Как ты выбрался из той чаши? Почему не пришел раньше? Ты понимаешь, что ты, черт возьми, чуть не сделал меня хладнокровным женоубийцей? Иди-ка сюда и неси фонарь. Я тут обо что-то споткнулся. Да это девушка! Сигзби, она как, сильно пострадала?

⁷ Пара — штат на севере Бразилии.

Глава 14

БЕГСТВО

Осмотрев при свете лампы загадочную мучительницу, повелевавшую пирамидой, друзья убедились, что она все еще дышит. Ран на ней не обнаружилось: девушка, видимо, упала в обморок от шока или испуга.

Опасения, не таится ли ее чудовищный компаньон где-нибудь рядом во тьме, вскоре развеялись. Отвратительная желтая груда над ямой оказалась его безжизненным телом. Головной щит, валяющийся на плитах пола, являл собой необычное зрелище. В одном из глаз зияло крошечное пулевое отверстие. Впрочем, вся голова была покрыта многочисленными царапинами и дырочками, сквозь которые сочилось вязкое белесое вещество.

Теллифер отрешенно отвечал на оставшиеся вопросы, тогда как Сигзби со стюардом сходили за водой, ранее принесенной девушкой в камеры, и, смачивая лоб жрицы, попытались привести ее в чувство.

Уэлинг внимательно наблюдал за действиями товарищей. Поняв, что бдение девушки над мучительно умирающим пленником, а затем хладнокровное избавление от его тела были всего лишь видимостью, он вдруг изменил мнение о ней. Оставалось неясным, зачем она, как выразился Уэлинг, «исполняла весь этот ритуал». Но Теллифер подтвердил, что, пока девушка плакала при виде его предполагаемой агонии, он находился уже не в яме. Вниз при повороте рычага полетел камень, а не его труп.

Яму внимательно оглядели и удостоверились в правдивости этого утверждения. Почти у дна огромной чаши они нашли большую дыру с неровными краями. Теллифера спасло то, что в первый вечер он резко отпустил рычаг, чаша не выдержала удара и лопнула. Зигзагообразный надлом с расходящимися от него трещинами сделал свое дело. Сфокусировавшиеся лучи в полдень следующего дня, нагрев поверхность, довершили работу.

Пока все окликали его, объяснил Теллифер, он обнаружил, что фрагменты рассыпающейся части чаши держатся вместе исключительно благодаря давлению, и перестал отвечать на крики. ТНТ воспользовался металлической пряжкой на поясе своего мехового одеяния и подковырнул маленький обломок, а затем вытянул его кончиками пальцев. После этого более крупные осколки извлекались гораздо легче.

Он не стал оповещать друзей об этих действиях: во-первых, у него слишком сильно пересохло во рту, во-вторых, он побоялся будить в них напрасные надежды. Конечно, он не ожидал благодарности за это. Но вдруг он бы не выбрался оттуда живым! Ладно. Он продолжит рассказ, если его перестанут сбивать вопросами.

Первой мыслью ТНТ был прыжок в глубины. Он кинул вниз несколько осколков и услышал, что там плещется вода. Ну, если они плеска не услышали, то это не его вина. Впрочем, их неведение неудивительно — они так шумели, пытаясь его дозваться. Однако нырять туда Теллиферу не пришлось.

Посмотрев в отверстие, он понял, что, раскачавшись на руках, он сможет спрыгнуть вбок и попадет на площадку под каменными плитами у чаши. Там было очень темно, но он нашупал механизм из огромных металлических стержней и цилиндров. Вероятно, древние строители создали аварийную систему, переворачивающую чашу и опускающую ее в горизонтальную шахту, что означало возможное наличие выхода на другом конце тоннеля.

Спотыкаясь в непроглядной темноте, ТНТ дошел до узкой лестницы и скатился по ступеням. Оправившись после падения, он увидел, что стоит у отпертой задней двери одной из наружных построек на пятом ярусе западной части пирамиды.

Несмотря на слабость после пережитых бед, бессонной ночи и только что полученных ушибов, он ни на секунду не забывал о друзьях. ТНТ удалось дойти до восточной лестницы и спуститься к причалу. Попив и перекусив на борту каноэ, он разрешил себе на несколько минут прикорнуть.

Но природа оказалась хитрее, и проснулся он уже в сумерках. Без сомнений, он проспал весь день, так как в яме ему было не до сна. Друзья постоянно будили его своими воплями. Ладно. Он примет извинения и продолжит.

Даже не обладая практической сметкой, он сообразил, что к предстоящей прогулке стоит хорошенько подготовиться. Поэтому он перекусил и сменил отвратительную шкуру на более пристойный костюм. Побрился. Да, две последние процедуры понадобились ему для моральной поддержки, и он не жалел о потраченном на них времени. Да, он не практичен.

— Ох, ТНТ, хватит тебе! — ухмыльнулся Уэлинг. — Удача любит таких, как ты — и мы. Ты превосходно спрятался. Может, бритье помогло. Как ты додумался прихватить пневматическую винтовку?

Выяснилось, что ТНТ вспомнил, как пытался охотиться на птиц на северных озерах. Такая охота — невероятный подвиг: стоит птицам завидеть вспышку, как они ныряют и оказываются под водой еще до того, как дробь до них долетает. Приложив прошлый опыт к нынешней ситуации, Теллифер понял, что жуткая стоножка не успеет избежать пули, если вспышки не будет.

Пневматическое ружье принадлежало Отзуэю и отличалось мощностью. Впрочем, калибр у него был небольшой, и ТНТ взял его с собой лишь на экстренный случай. Забравшись на парапет пирамиды, он видел, как выводят товарищей, и с большим интересом и азартом наблюдал за противостоянием Уэлинга и Сигзби. Когда они наконец вцепились друг другу в глотки, а ядовитая желтая башка нацелилась на удар, ТНТ решил, что наконец пришло время проверить действенность пневматического оружия.

Первая пуля угодила в огромный глаз чудища, вторая пролетела мимо головы и ударила кристалл в бок.

Как любой алмаз, долгое время подвергавшийся воздействию высоких температур, «Солнечный огонь» стал очень хрупким — уязвимее обычного стекла. От удара он разбился на осколки с такой силой, что произвел эффект тихого взрыва.

Существо было убито, но не пулями, а «Солнечным огнем». Находясь довольно высоко над полом, кристалл разрушился, не причинив вреда людям. Но голова чудовища очутилась в опасной близости к нему, и ее пронзили осколки и алмазная пыль.

Практик или мечтатель, ТНТ парой выстрелов из пневматического оружия с легкостью уничтожил две главных угрозы пирамиды. Третья — если вообще была опасна в отрыве от первых двух — оказалась отдана на милость собственных жертв.

Друзья решили забрать девушку с собой в каноэ. Прежде чем пытаться исследовать пирамиду целиком и отправиться на поиски иных ее обитателей, отсутствующих по неизвестной причине, им необходимо было подкрепиться, отдохнуть и все обдумать. Также перед ними сразу встал вопрос вооружения. На борту каноэ, не считая пневматической винтовки, оставались два дробовика и запасной винчестер. Но свои собственные пистолеты и ружья они взяли с собой в первый же день, тем самым передав их в руки врагов. Даже если «племя» окажется малочисленным, оно будет хорошо вооружено. Требовалась предельная осторожность.

Хватит кидаться в омут с головой. Сейчас стоило планировать каждый шаг. Завоевание пирамиды, начатое Теллифером, должно было продолжиться и закончиться с минимальным риском.

Товарищи стояли и рассуждали подобающим умудренным опытом мужам образом, с жалостью глядя на лежащего без сознания поверженного тирана.

Надо отметить, что при взгляде на хрупкую и изящную деву, напоминающую ребенка, заснувшего на коленях Сигзби, Уэлинг с изумлением чувствовал, как на него горячей волной накатывает стыд.

Это дитя воспитывали в варварском окружении. Натаскивали на исполнение религиозных ритуалов, подавляя естественные для нее порывы благородства и делая девушку очень несчастной. Она прилежно исполняла все, чему ее учили, и страдала от этого.

Наконец она начала пробуждаться. Нежные губы порозовели. Непоколебимый в своем благоговейном обожании юноша поправил выбившийся локон ее золотисто-рыжих волос. Уэлинг, ставший от стыда чрезвычайно учтивым, бросился на колени и попробовал взять ее за тонкое запястье. Он искренне желал проверить ей пульс. Но Сигзби гневно и презрительно отбросил его руку, показывая, что недавний инцидент не забыт и не прощен.

Упрек был встречен со всей кротостью. Уэлинг отступил. Никогда в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным.

Медленно открылись большие глаза, затем закрылись и открылись опять. В свете лампы в руке Теллифера девушка выглядела испуганной и неуверенной, на ее лице начало читаться удивление. Она попыталась встать.

Ни один из освобожденных пленников не произнес ни слова. Не исключено, что всем им было любопытно, как она поведет себя в изменившихся условиях. Ждать пришлось недолго.

Она приподнялась и съежилась, подобрав ноги и обхватив себя руками. С минуту она переводила взгляд с одного путешественника на другого. Ранее она никогда не выказывала страха. Но теперь ее рассветно-синие глаза потемнели от откровенного ужаса.

Внезапно она оглянулась. То, что за ее спиной находился самый заботливый и юный из «пещерных людей», ее совершенно не успокоило.

Она опустила взгляд, потрепала золотые подвески на ягуаровой шкуре, подняла флейту Пана, которую ни на миг не выпускала из рук, внимательно осмотрела роковой инструмент — и...

Все произошло столь быстро, что пятеро опытнейших мудрецов, не успев опомниться, опять совершили оплошность.

Тихо заплакав, девушка отбросила флейту от себя. Резко выпрямила стройное тело. Прыгнула в сторону, поднырнула под руку Уэллинга, старавшегося ее задержать, и выбежала на центральную площадку!

Они уже видели, как она танцует. Теперь они впервые увидели, как она бежит. Бывшие узники ринулись за ней, но было бы проще поймать тень проплывающего по небу обла-ка.

Дверь в юго-восточной части оставалась открытой. Не успели преследователи пробежать полпути, как она с грохотом захлопнулась. Добравшись до двери, друзья сразу убедились, что паника жрицы была не показной, а самой настоящей. Девушка не осмелилась остановиться и опустить за собой засов. Даже дверь плотно не прикрыла.

Товарищи распахнули ее и увидели длинную лестницу. Теллифер держал лампу в поднятой руке. Внизу мелькнули подобные звездам драгоценные камни — и развеивающаяся ягуаровая шкура.

Какие уж тут приличия? Компанией овладел естественный для мужчин охотничий азарт. Четверо небритых пещерных людей с выпученными глазами бойко ринулись вслед за добычей. Цивилизованный и недавно вновь преисполнившийся высоких порывов эстет от них не отставал.

Глава 15

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Спускаться оказалось не так далеко, как виделось сверху. Через полминуты преследователи очутились на площадке перед глухой стеной.

Развевающаяся шкура стремительно исчезла за углом. Они бросились следом. Там лестница резко ушла направо.

Уже невдалеке мерцали звезды бриллиантов, венец покачивался в такт стремительным прыжкам его обладательницы. Затем они увидели внезапный рывок и услышали пронзительный крик.

Длинноногий Теллифер успел опередить остальных, но сейчас юный «пещерный человек», одним махом перепрыгивая через четыре ступени, перехватил пальму первенства.

— Она упала!

В отчаянном вопле Сигзби звучало мучительное сопререживание. Пока лампа догоняла его, он достиг второй площадки и сжал в объятиях лежащую там хрупкую, тихо стонущую беглянку.

Запыхавшийся Теллифер поднял светильник повыше.

Сигзби уставился на ту, кого держал в руках. Из его горла раздавались странные сдавленные возгласы. Затем он не грубо, но довольно поспешно положил упавшую обратно на каменный пол.

Пока он это делал, тощие женские ноги беспомощно болтались, но похожие на когти пальцы костлявой руки взметнулись в попытке вцепиться в него. Сигзби едва успел отклониться и уберечь свою щеку от царапин.

Существо на полу разевало беззубый рот и что-то беззвучно бормотало. Седые растрепанные волосы выбились из-под сияющей звездами тиары. Пятнистая шкура ягуара сползла с худосочных желтушных плеч. Безумные глаза сверкали на перекошенном гримасой лице: долгие годы они упивались жестокими зрелищами и теперь метали мол-

нии, ибо порочная власть ускользнула из рук. Карга умирала, осыпая страшными, пусть и немыми, проклятиями своих спасшихся жертв.

Похожая на птичью лапу рука вновь метнулась к лицу Сигзби, но отдернулась и упала на пол, забившись в агонии. Тело содрогнулось от конвульсий... из горла донесся негромкий клекот...

— Умерла! — минуту спустя произнес Уэлинг. — Позвоночник сломан. Эта та старуха, что приходила ко мне. Но, Господи, как... куда делась девушка?

Вопрос оказался еще более интересным, чем они ожидали. Спускаясь по двум лестничным пролетам, они не видели ни дверей, ни каких-либо иных проходов, в которые девушка могла бы свернуть, скрывшись от них. Конечно, где-то мог быть какой-нибудь незримый, тайный лаз. Но даже если так, то почему через него не ушла старуха?

На этот вопрос Сигзби и не пытался ответить. Просто стоял — очень бледный и внезапно повзрослевший. Его лихорадило от царящего в пирамиде промозглого холода.

Было очень тихо и темно, если не считать лампы Теллифера.

Друзья находились на самой нижней площадке лестницы. Чуть дальше они увидели треугольную арку. Она вела в помещение, напоминающее большой восьмиугольный склеп или зал. Свет лампы не достигал дальних стен, но на ближних были высечены гигантские женские фигуры, влекущие за собой в танце под флейту Пана отвратительных чудовищ.

В комнате, сырой, как могила, полностью отсутствовала обстановка. Единственными признаками пребывания здесь человека оказались несколько непонятных груд, смахивающих на сброшенную одежду.

Разобрав их содержимое, путешественники обнаружили многочисленные брюки, куртки и прочие одеяния разной степени ветхости, характерной и для оставленного на озере флота. В большинстве случаев друзьям попадались дешевые рубахи и дырявые штаны, какие носят рабочие на каучуковых плантациях. Но были костюмы получше, явно

принадлежавшие белым. Нашлась даже сутана иезуита, распадающаяся от времени. Кожаная экипировка и шлем подсказали товарищам, что серый гидроплан у причала напрасно ждал своего пилота.

Их собственная одежда, как и оружие, лежала в большой куче рядом с изгрызенными ржавчиной дульнозарядными ружьями мертвых португальских завоевателей, попорченным сыростью оружием посовременней, тростниковой духовой трубкой, а также огромным грубым луком из местной древесины и длинными стрелами в колчане.

Ни одна из их собственных вещей не пропала. Джону Б. удалось найти и вернуть ученому его драгоценные очки. Но в склепе дурно пахло ядовитой затхлостью. Гниющая одежда смердела, будто могилы ее хозяев.

Стараясь не разговаривать в этом безжизненном месте, друзья вернулись к лестнице и склонились над лежащим там сморщенным трупом. Звезды бриллиантов в жутких косах излучали злой холодный блеск.

Куда же делось печальное невинное дитя, заманившее их в ловушку? Неужели она обреталась в этом схожем со склепом логове?

— Я ухожу отсюда, — вдруг объявил Теллифер. — Не нравится мне здесь! Тут... *некрасиво!*

Никто не возражал. Несмотря на свое пещерное облачение, все они были цивилизованными людьми, не верящими в вампиров, демонов и ведьм, обитающих в подземельях и заманивающих жертв с помощью напускаемого на них морока. Однако все согласились, что с осмотром пирамиды можно повременить. Атмосфера тут была нездоровья. Им хотелось на свежий воздух — очень хотелось.

В связи с потребностью подышать их возвращение на верхний уровень характеризовалось определенной поспешностью. В обсаженном пальмами дворе делать им было нечего, и через несколько минут они добрались до верхнего парапета и сразу решили спускаться по внешней стороне пирамиды.

Их каноэ стало исключением — из всего флота у причала только оно дождалось свою команду. Было так утеши-

тельно, так успокаивающе и уютно ощутить под ногами его палубу. Тут всем пришло в голову, что неплохо было бы провести ночь на некотором расстоянии от пирамиды.

Они отплыли, однако внезапно была высказана мысль о том, что если нечто... нет, конечно же, некто почувствует недовольство из-за их побега и решит последовать за ними, то оставшиеся у причала лодки окажутся весьма кстати.

Позабыв про усталость и голод, друзья заработали веслами в обратном направлении, желая предотвратить возможную опасность. Как следствие, им удалось бросить якорь только ближе к полуночи. Пока они расправлялись с ужином, приготовленным на переносной плитке, трое из них перестали обсуждать зловещие пирамиды и подозрения, что дьяволическая философия имеет гораздо более разумную подоплеку, чем им представлялось ранее. Иными словами, этих троих сморил крепкий, как сильное лекарство, сон. Выспавшийся днем Теллифер, назначенный часовым, со свойственной ему ответственностью исполнил долг, задремав вслед за остальными.

Но Сигзби не мог сомкнуть глаз. Он долго-долго лежал на полубаке, не отводя взгляда от вздывающей горой в свете звезд черной громадины. Над ее верхушкой больше не парило белесое сияние. Тата-Кварахи, «Солнечный огонь», сгинул. Его чудовищный страж погиб. А его жрица?..

Юному Сигзби все это казалось очень странным, и необычным, и вообще непонятным. И все же, примет он той ночью проблеск света в темной пирамиде или услышь зовущий его голос, он вряд ли бы поднял остальных. Рискнул бы жизнью и душой, но вернулся туда один.

На рассвете восточная лестница заполыхала красным, оранжевым и золотым.

Отблески сего великолепия, достигнув лица Теллифера, разбудили его. Он открыл глаза, вспомнил, что был оставлен часовым, сел и с пристальным вниманием осмотрел пирамиду.

Она оказалась на месте, а ее утренняя красота, пришел он к выводу, в некоторой мере искупала таящееся внутри уродство. С восходом солнца происшедшее стало ближе ко

сну, чем к яви. Затем он с интересом поразмышлял о ведьме-вампире, способной являться в обличии красивой девушки. Вчера вечером он и думать не хотел о подобном, но с рассветом его причудливый вкус отнесся к идее более благосклонно.

Впрочем, по утрам в привидений и вампиров не верится. Теллифер сокрушенно покачал головой. Но вдруг у эстета вырвалось невнятное восклицание, после чего он вскочил, нырнул в кабину и мгновение спустя вернулся с биноклем в руках, мимоходом успев пнуть заспавшихся корреспондента с ученым.

Они медленно выползли из кабины и увидели, что встремленный часовой устремил бинокль на верхушку озаренной солнцем лестницы.

Там, вдалеке, на фоне пылающих камней двигалась темная фигурка.

Уэйнг без церемоний отнял у друга прибор, а не менее любопытный Отуэй притиснулся к нему, словно надеясь хоть одним глазком приникнуть к оптике.

Заснувший перед самым рассветом Сигзби очнулся, разглядел все это и одним прыжком присоединился к друзьям. Хриплым мальчишеским голосом он спросил:

— Это она? Жива? Спускается?

Уэйнг покачал головой.

— Кто-то идет. Но, Сиг, это не «она». Это... А кто это? Камеры пусты... мы собственными глазами...

— Я знаю, — перебил его Теллифер. — Внизу мы видели этот костюм среди одежды погибших. Однако, Олкот, мы не осмотрели всю пирамиду и могли не заметить менее приметные следы тех, кто не умер. В любое время суток по ней могут бродить призраки. И сейчас сюда направляется призрак пилота, чтобы поздравить нас со счастливым исходом!

Но Теллифера никто не слушал.

Теперь пришла очередь Сигзби заполучить бинокль. И от уведенного у него перехватило дыхание, а потом, эгоистично посчитав, что бинокль вообще-то его личный, он никому не передал его.

Скоро и сам призрак приблизился настолько, что стало можно невооруженным глазом разглядеть его костюм. На плотно сидящем шлеме сверкали поднятые на лоб летные очки. Несколько неловко передвигаясь в громоздкой экипировке на толстой подкладке, таинственный пилот, которого еще недавно они намеревались спасти, завершил спуск к подножию.

Он медленно брел по широкому каменному причалу. Достигнув края, он сначала возврался на каноэ, перевел взгляд на гидроплан и вновь посмотрел на каноэ.

Затем он обратился к людям на борту. Голос немногого дрожал.

— Простите! Мне страшно неловко беспокоить вас после всего случившегося! Но вы убрали все лодки. Если я вас попрошу, не будете ли вы так любезны просто... просто подтолкнуть одну поближе к причалу, чтобы я смогла воспользоваться ею и доплыть до своего самолета?

Сигзби выронил бинокль, и тот, булькнув, ушел на дно. Путешественники стояли в пижамах, укутавшись в одеяла; один лишь Сигзби, подчинившись слепой интуиции влюбленного, еще с вечера побрился и оделся. И пока остальные еще не поняли, в чем дело, он одним прыжком перескочил с каноэ на ближайшую лодку, грубую туземную долблленку.

— А я вам говорил! — Он быстро вытянул служивший якорем камень. — Говорил, что уже где-то видел эту девушку. *Теперь я знаю, где!* Все сходится, а вы, ребята... Да ладно! *Добро пожаловать, мисс Энид!*

Всплеск весел, и долбленка устремилась к причалу.

Из оставшихся на каноэ первым в себя пришел Теллифер.

— Он ее уже видел, — торжественно объявил эстет. — Конечно! Зовут ее мисс Энид, она пилот. Вот все и встало на свои места. Естественно. Знаешь, Олкот, несмотря на свою любовь к прекрасному и таинственному, я по горло сыт этой пирамидой. Пускай Сиг разбирается сам. Предлагаю уплыть отсюда прямо сейчас, пока еще можно, и пусть эта парочка творит что угодно!

Глава 16

ИСТОРИЯ МИСС ЭНИД ВИДДИАП

— Вы такие добрые, — начала девушка, когда все они, уже днем, расселись в каноэ под навесом, — такие добрые, раз понимаете и ничуть меня не вините в произошедшем. Конечно, помогло то, что мистер Сигзби меня узнал. И мне даже кажется, что его лицо мне тоже знакомо, хотя я из Аптона и в Аптон⁸ столько офицеров возила... Ой, говорите, что были «просто сержантом» и со мной не ездили? Ну, я возила и сержантов, и новобранцев. Мы всех возили. А, так вы не смогли попасть ко мне в машину, извините. Там было *столько* народу... Что? Я только начала там работать, а вас перевели в Джорджию? И мы вообще не пересекались? Вот ведь я глупая. Но мои симпатии полностью на вашей стороне. Они не хотели брать меня на медицинскую службу, потому что я, видите ли, слишком юна и силенок у меня маловато. Смех да и только. Конечно, ростом я не вышла, но я *бесконечно* вынослива. Но давайте начну все сначала и расскажу подробнее.

Как я уже упомянула, мой отец, доктор Александр Виддиап, археолог, а я родилась в Манаусе⁹, на Амазонке. Когда я была маленькой, мать увезла меня домой, в Нью-Йорк, и я вернулась в Бразилию лишь недавно.

Мне исполнилось девять, когда бедный папа написал нам, что планирует путешествие вверх по Рио-Силенсиозо. Он слышал от какого-то индейца, что у истока реки находятся развалины удивительной постройки, где можно найти реликвии древнего народа. Индейца звали Питер... нет, Петро, точно... Как вы сказали, мистер Отуэй? Да, его звали Куямбира-Петро. Папа писал, что он из племени каннибалов, живущих на реке Можу. Он был их колдуном, мас-

⁸ Лагерь Аптон — в 1917-1946 гг. военная база армии США в штате Нью-Йорк.

⁹ Манаус — город в Бразилии, столица штата Амазонас.

терил амулеты, защищающие от джунглей и речных демонов. Он показал моему отцу одежду из шкуры ягуара и два мелких бриллианта, символизирующих солнце. Но экспедиция, организованная папой, так и не вернулась.

Папа проводил с нами в Нью-Йорке только часть года, но мы с ним были лучшими друзьями. Я часто твердила себе, что однажды, когда вырасту, обязательно узнаю по крайней мере о том, как он умер.

Затем началась война. Мама никогда ничего мне не запрещала, и я пошла учиться летать на «блерио»¹⁰, но, кто бы сомневался, в пилоты меня тоже не взяли. И мне досталась лишь роль водителя в родном штате. После заключения мира бедняга майор Дюпон согласился помочь мне исполнить мой замысел — попасть к истоку Рио-Силенсиозо по воздуху. Майор Дюпон был англичанином из Королевского летного корпуса, он как раз приехал на полгода в Нью-Йорк погостить у друзей. Я посвятила его в свой замысел, и он сказал, что это осуществимо и весьма любопытно.

Мы выбрали гидроплан, потому что надо было взлетать с Амазонки и лететь над лесом: не сядешь на воду, не сядешь вообще.

Сейчас мама ждет меня в Манаусе. Она, наверное, жутко волнуется, однако знает, что я всегда так или иначе добиваюсь своего. Простите, что? А-а, авантюрным характером я вся в отца, впрочем, силой и ростом нынче никого не удивишь...

Мистер Уэйнг! Не надо так! Я совсем другое имела в виду! Бедолаги, конечно, вы бы не справились с той страшной зверюгой, готовой в любую секунду накинуться на вас. Но я продолжу, и станет понятнее.

Мама ни за что не отпустила бы меня туда одну, но майор Дюпон проявил изобретательность, к тому же у него был великолепный служебный список, и когда он предложил свои услуги, все стало выглядеть гораздо безопаснее. Мы с майором в первый раз собирались лишь разведать местность, однако с легкостью нашли озеро. Сияющую верши-

¹⁰ «Блерио-XI» — разведывательный самолет начала двадцатого века.

ну пирамиды было видно за много миль. Конечно, мы не знали, что там сверкает. Просто видели светящуюся среди бела дня огромную звезду, только на земле, а не на небе, где ей положено находиться.

Мистер Теллифер! Да... бедный майор тоже сказал, что это похоже на звезду упавшую. Даже странно, что он использовал именно это сравнение, особенно в свете того, что мне рассказали потом.

Мы спланировали на озеро и высадились на разборной лодке, прихваченной с собой. С тех пор пролилось несколько сильных дождей, и лодочонка наверняка наполнилась водой и утонула. Вижу, что ее нет среди других лодок. Майор Дюпон предложил мне подождать, пока он один поднимется наверх, но я зауярмилась, и мы пошли вместе. Был разгар дня, но мы же не знали, что в полдень происходит что-то страшное.

Мы выглянули из-за парапета и увидели необычную площадку, окруженную пальмами и кустами, а в середине... что-то сияло и сверкало. Майор Дюпон назвал этот предмет дедушкой всех бриллиантов, и мы тогда славно посмеялись. Мы поняли, что на площадке очень жарко, но снаружи тоже палило солнце. Мы направились к яме. Майор Дюпон сказал, что под ней, наверное, печка. Он наступил на пятиугольник... По счастливой случайности я оказалась одной ногой на твердой поверхности и успела отскочить. Я забежала на продолговатый камень. Схватилась за колонну, а она была такая горячая, что я обожглась. Я... можно, я не буду останавливаться на подробностях... Спасибо. Да, лучше об этом помолчать. Я не могла ему помочь. Времени не было. Я, кажется, упала в обморок.

Потом, довольно долго, все было как во сне. Помню, как увидела над собой старуху, очень странно одетую. Я лежала на полу в одном из домов снаружи. Она забрала мое платье и одела меня так же, как была одета сама. Несколько минут я чувствовала себя не в своей тарелке, а потом все показалось нормальным. Я словно проживала какой-то сон. Временами я переставала сомневаться в том, что сплю, и только чуть-чуть удивлялась, почему не получается проснуть-

ся. И мне всегда было грустно, хотя я не могла понять, есть ли у этого реальная причина.

По-моему, я испытывала последствия шока от увиденного. Когда-то мы с мамой знали некую мисс Блэр. Она была милейшим человеком, но, работая в госпитале во Франции, она попала под немецкий обстрел. И больше года не могла прийти в себя. Много плакала, ничем не интересовалась. Я носила ей цветы и заметила, что она никогда ничего не станет делать, если я или сиделка об этом ее не попросим. Думаю, со мной творилось нечто подобное.

Ну да, мистер Уэлинг. Если бы кто-нибудь из вас попросил бы меня вас выпустить или приказал запереть чудовище в его норе, наверное, я бы так и сделала. А когда вам так... так не нравилось то, что происходит, я лишь удивлялась, почему вы не велите мне поступать иначе. Но для меня вы были людьми из сна, а они, сами понимаете, редко ведут себя разумно. И я продолжала делать то, что приказывала мне Сайфа, потому что так было проще всего.

Старуху звали Сайфой. Она говорила по-английски и еще на каком-то неизвестном мне языке. У нее практически не осталось зубов, но вскоре я научилась разбирать, что она шамкает, и резкий акцент тоже не был помехой для почти полного понимания.

Я делала то, что она мне говорила. Сайфа меня не обижала и даже ничем не угрожала. Она, на самом-то деле, была очень заботливой и... доброй, хотелось бы мне сказать, но это немного другое слово. Ее лицо и глаза словно излучали зло. Я ее слушалась, ведь мне казалось, она точно знает, что и как мне нужно делать — своей головой я тогда думать не могла. И вдобавок, все выглядело сном. Все казалось маловажным.

Сайфа сказала, что Ама-Хоту, Хозяин Дня, прислал меня на облачном каноэ с небес и что теперь древняя вера не иссякнет. Она называлась последней из рода. Когда-то, давным-давно, великая чума унесла немногих оставшихся из ее племени, оэлло. Я много про этот народ не знаю. Хоть я понимала ее речь, мне рот открывать не хотелось, никаких вопросов я не задавала.

Сайфа сама рассказала мне, что в начале всех времен Ама-Хоту, Хозяин Дня, заставил сойти на землю огромную звезду Хуак. Хуак завидовал его славе. Поэтому Ама-Хоту приказал Корье, Великой земной змее с ногами, возносить ему хвалу в ночные часы, и священные девы, служительницы Ама-Хоту, также должны были поклоняться Хуаку. Днем уже Хуак служил Ама-Хоту и приносил тому жертвы.

Корья, Змея с ногами, родила от Хуака много детей¹¹. Неисчислимое множество лет дети Корьи и Хуака жили вместе в пирамиде, служительницы Ама-Хоту танцевали с ними во славу Солнца и Звезды. Но однажды Корья, Земная змея, поглотила своих детей.

Лишь двое были спасены жрицей, которая увела их из пирамиды. До этого времени оэлло, народ Сайфы, в больших количествах населяли землю. Пирамида служила храмом, и туда допускались только священные танцующие девы. Дети Корьи размножились. Они не трогали жриц, чью музыку любили, но умертвили немало других людей, и те, что выжили, переселились в пирамиду под защиту служительниц. Они продолжили заниматься сельским хозяйством, но для этого священные девы следовали за ними на берег и охраняли своими мелодиями.

Осталась всего горстка оэлло, и человеческие жертвы Ама-Хоту уже не могли избраны быть из их числа. Множество лет, а началось это задолго до рождения Сайфы, тайные посланники оэлло уходили по воде, непреодолимой для детей Корьи, и возвращались с жертвами из других племен. Иногда это были пленники, но чаще люди приходили добровольно, соблазняясь рассказами о богатстве или о чем-то особенно желанном.

Сайфа говорила, что все ее племя уничтожила болезнь и она много лет жила здесь одна. Сайфа больше не возделывала поля, а собирала фрукты и орехи и ловила рыбу в озере.

¹¹ Зоологи до сих пор не пришли к единому выводу, нужен ли этим довольно любопытным существам, Сколопендровым, партнер для продолжения рода (*Прим. авт.*).

Корья, Великая земная змея, тоже питалась плодами своего отца, Земли. Ей никогда не давали пробовать плоть. Думаю, оэлло и впрямь боялись, что она почувствует вкус крови и начнет нападать на них. Дети Корьи на берегу, кстати, так и не выросли до огромных размеров — всего полметра и не более. Полагаю, что рассказ про детей всего лишь легенда, якобы раскрывающая происхождение обычных многоножек в джунглях, а вот Корья является необъяснимым монстром.

Сайфа приносила в жертву Ама-Хоту всех, кого только могла. Раньше ее народ водил дружбу с людьми из лесных племен, и колдун-людоед Куюмбира-Петро один из таких друзей. Сайфа говорила мне, что Петро иногда ее навещал. Он верил, что Хуак величайший из ануи, то есть духов. Он называл его Тата Кварахи, Солнечное дыхание жизни, и приносил ему жертвы, дабы завоевать его расположение.

Когда я услышала имя Петро от Сайфы, я его вспомнила и расстроилась, проплакав много часов. Но я забыла отца и причину своего появления в этом месте.

Сайфа научила меня играть на золотой флейте, и Корья вышла из логова. Нет, я ее совершенно не испугалась. Я ничего не боялась. Говорю вам, все было как во сне.

Сайфа сказала, что Корья не причинит мне зла, ибо теперь я священная дева. Она потанцевала с Корьей, показывая мне, как это делается. Я всегда очень любила танцевать, так что эта обязанность мне понравилась. Я хотя бы немножко чем-то заинтересовалась.

Когда я наконец... проснулась и увидела, что сижу на полу, а вы стоите вокруг, я ужасно перепугалась. Я впервые осознала, что все, что я видела, слышала и делала, было настоящим. Ох! Это же ужас! Мой следующий поступок выглядит глупо, но я действительно подумала, что вы на меня очень разозлились и готовы убить. Мистер Уэйнинг? Мне показалось, вы что-то сказали.

Итак, я вскочила и побежала. Добежала до двери, а за ней стояла Сайфа. Она дверь закрыла и что-то прошамкала, потом слышу, бежит по лестнице. Наверное, вы помните, что лестница шире дверного проема. Я просто вжалась

в стену за дверью. Вы пробежали мимо, я вернулась во двор и спряталась в кустах.

К рассвету я собралась с мыслями и решила, что лучше всего будет извиниться перед вами и уйти. Я спустилась за своей одеждой... Да, в темноте. Сайфа никогда не зажигала огня, и я научилась находить дорогу без света. Нет, что вы, мы не жили в том затхлом склепе. В пирамиде столько внутренних проходов между комнатами, а снаружи столько славных домиков. Конечно, мы жили снаружи. Сайфа всегда следила за устьем реки в надежде, что появятся новые жертвы. Когда ваше каноэ вошло в озеро, я была с ней. Сайфа с вас глаз не спускала. Когда вы начали подниматься по лестнице, она послала меня выпустить Корью и сказала, что с вами делать. Мне надо было немного погодя запереть Корью в норе и поманить вас вниз. Но бедный мистер Теллифер упал и все спутал, и я на несколько минут растерялась...

Сильно ли это навредило? Пожалуй, нет... определенно, нет. Но если вы все-таки на меня злитесь, то я вас совершенно не виню... Не злитесь? Так мило, что вы это сказали. Теперь я... да, мне пора уходить. Но зачем же, спасибо, я отлично справлюсь с самолетом в одиночку, и мне не хочется вас обременять. Нет же, я точно не сержусь! Но...

Ладно, раз вы настаиваете, я, конечно, подожду. Возможно, мне не помешает пару дней отдохнуть и прийти в себя. Я могу провести вас по всей пирамиде. Как только я успокою маму, я обязательно сюда вернусь. Да, я чувствую, что должна. Понимаете, папа погиб, разыскивая это место, и мой долг... сделать замеры, сфотографировать изображения и все такое. Затем я запишу, что помню об истории оэлло, и передам заметки и фотографии археологу, разбирающемуся в теме, а он напишет книгу и посвятит ее моему отцу.

Мистер Отуэй? Я так рада, что вы находитте это блестящей идеей! Мистер Уэлинг, вы упомянули, что работаете для журналов. Вы слушаете не испортите мою затею с книгой, рассказав все до ее выхода?

Настал полдень. Ама-Хоту, Хозяин Дня, метал раскаленные лучи в опустевший храм Хуака, иссушая тело Корьи, когтистой Земной змеи. Чахлые останки старой Сайфы, последней служительницы этой троицы, нашли покой в запечатанном склепе внутри пирамиды.

Но Ама-Хоту, Хозяину Дня, поклонялись не в одном лишь этом месте. Он сумел пережить многих своих адептов, как, впрочем, и немалое количество равновеликих богов. Опустевшее святилище Хуака вкупе с превращающейся в мумию Корьей не имели никакого значения для его величия и славы.

Четверо неутомимых работников наконец отступили под его напором и теперь дремали в промокших от пота пижамах в одном из внешних домов, ожидая, когда истинный Хозяин Дня уйдет искать жертвы где-нибудь еще.

Все утро они трудились, делая замеры, фотографии и записи, предназначенные увековечить фамилию Виддиап. Однако Сигзби среди них не было. Серый гидроплан покинул каменную пристань.

— Пирамида мисс Энид оказалась чудесной находкой!
— позевывая, сказал Уэлинг.

С ним никто не спорил. Он устроил свое массивное тепло поудобнее.

— У нас вообще не было шансов. С первого до последнего часа — ни малейшего!

Блеснув очками, Отуэй поднял на него взгляд задумчивых серых глаз и ответил:

— Я целиком и полностью согласен воздать должное памяти доктора Виддиапа, написав об открытии.

— Еще бы! И я готов воздать должное и не написать. А вот ТНТ, как и мы, не отказался бы воздать должное бриллиантам в склепах пирамиды. И отписал бы их в пользу голодящих армянских сирот. Блестящая идея. Девушка с глазами, как у нее, просто обязана оценить такое. Сиг, например, уже с удовольствием воздает должное этим ее глазам. Если, конечно, она согласна принять сей дар. Точно! С первого до последнего часа мы были обречены!

— Дух-обманщик Куямбиры-Петро, — начал Теллифер

и впервые в жизни не продолжил, ибо не смог придумать ничего путного.

— Правильно, — одобрил репортер. — Нечего тут вспоминать предателя, колдуна и каннибала. Бриллиант в полтонны, чтобы сварить тебя заживо — проще простого. Пирамиды... чудовище... ведьмы... геенна огненная... все для нас. Кроме девицы мисс Энид — тут ни-ни! Ох, боженьки ты мой! Таково быть толстым и сорокалетним! Спасибо, мол, но мы в полете и без вас управимся. А я бы Сига заменил. Но с тобой что не так, Джон Б.?

— Думаю, мне надо было быть чуть более убедительным, и она взяла бы меня с собой. Перед войной, после того как я ушел из шоу Буффало Билла, я устраивал показательные полеты на малышке «антуанетте»¹², доставшейся мне от разбившегося на ней пилота. Опыту поднабрался. Мистер Сигзби желает девочке только добра, но чем он сможет помочь в случае аварии?

— На своем аэроплане и в компании избранного пленника она обязательно долетит до Манауса, — пророчески высказался Теллифер. — Обязательно, так как она мудра и практична — меня она брать с собой сразу отказалась! Доктор Отуэй, полагаю, ты тоже среди тех, чья кандидатура была сожалением отвергнута?

— А вот и нет. — Вновь сверкнул задумчивый взгляд. — Во-первых, лишь один из нас действительно заслужил ее доверие. Во-вторых, я к этому времени успел вызваться собирать материал для ее книги. Пусть мы не сопровождаем девушку в полете, зато с нами у нее нет необходимости опять рисковать жизнью, возвращаясь сюда. Это почетно само по себе!

— Еще бы, — покорно согласился Уэлинг.

¹² «Антуанетта» — один из первых французских самолетов.

Примечание автора

Когда выйдет книга под заглавием «Недавние находки, призванные подтвердить теорию египетского происхождения южноамериканскихaborигенов», составленная из данных, собранных на месте четырьмя преданными делу бывшими узниками, и призванная послужить посмертной славе доктора Александра Виддиапа, ею без сомнения чрезвычайно заинтересуются археологи, высоко оценив сей труд. Но я сомневаюсь в том, что на ее страницах появится рассказанная выше история.

Олкот Уэринг с честью выполнил свое обещание. Вернувшись в Нью-Йорк, он с прискорбием сообщил: «Нет материала».

Юному Сигзби пока не до разговоров. Он посвятил все-го себя служению живому наследию доктора Александра Виддиапа — занимательнейшее занятие, полностью ему подходящее.

Мистер Терон Нарцисс Теллифер оказался высокомерно непрактичным и решил не вверять свои необычайные теории и приключения рутинной возне с бумагой и изда-тельствами.

Но я дружу с Джоном Б. — и он поведал мне все без утайки!

Повесть Фрэнсис Стивенс (Гертруды Мэй Бэрроус, в замуж. Беннет, 1884-1948) «Солнечный огонь» (*Sunfire*) была впервые опубликована в двух номерах журнала *Weird Tales* за июль-август и сентябрь 1923 г. Многие критики и историки НФ считают, однако, что эта вещь была написана значительно раньше, т. е. около 1919 г.

Перевод выполнен по первоизданию. Иллюстрация на фронтисписе взята из журн. *Weird Tales*. На с. 61 илл. В. Финлея. В оформлении обложки использован фрагмент фотографии П. Никиэля.

Оглавление

Глава 1. Брошенный флот	7
Глава 2. На помощь	12
Глава 3. <i>Scolopendra Horribilis</i>	16
Глава 4. Солнечный огонь	22
Глава 5. Бронзовый рычаг	34
Глава 6. Бразильское вино	43
Глава 7. Старуха	46
Глава 8. «Тата Кварахи»	47
Глава 9. Нежеланное приглашение	52
Глава 10. Танец	59
Глава 11. Жертвоприношение	63
Глава 12. Месть!	67
Глава 13. Ужасное преступление	69
Глава 14. Бегство	75
Глава 15. Вниз по лестнице	81
Глава 16. История мисс Энид Видиап	88
Примечание автора	98

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.